

Элизабет
Фримантл

Превосходный исторический роман
о благородстве, любви и преданности.

examiner.com

Изменницы

НОВЫЙ РОМАН ЭЛИЗАБЕТ ФРИМАНТЛ
ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИИ ЭПОХИ ТЮДОРОВ

Мировая сенсация

Элизабет Фримантл

Изменницы

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Фримантл Э.

Изменницы / Э. Фримантл — «Центрполиграф»,
2014 — (Мировая сенсация)

ISBN 978-5-227-07339-6

После того как Джейн Грей, прозванная в народе Девятидневной королевой, была свергнута Марией Тюдор и казнена вместе с отцом и мужем по обвинению в государственной измене, семья Грей впала в немилость. И Мария Кровавая, и Елизавета Девственница, упорно подозревая сестер Кэтрин и Мэри Грей в интригах и посягательстве на трон, держали девушек при себе, следя за каждым их шагом. И все же не уследили: ни смертельная опасность, ни строгие запреты не помешали Кэтрин страстно влюбиться и тайно выйти замуж, а Мэри обрести истинного, любящего друга...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-227-07339-6

© Фримантл Э., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Пролог	8
Лондонский Тауэр, февраль 1554 г.	8
Часть первая	13
Дворец епископа, Винчестер, июль 1554 г.	13
Ладгейт, июль 1554 г.	28
Уайтхолл, ноябрь 1554 г.	35
Смитфилд/Уайтхолл, февраль 1555 г.	40
Хэмптон-Корт, апрель 1555 г.	47
Бомэнор, июль 1555 г.	51
Гринвич, сентябрь 1555 г.	55
Часть вторая	59
Ладгейт, январь 1558 г.	59
Уайтхолл, март 1558 г.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Элизабет Фримантл

Изменницы

Посвящается Рафаэлю и Элис

Elizabeth Fremantle
Sisters of Treason: A Novel

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London

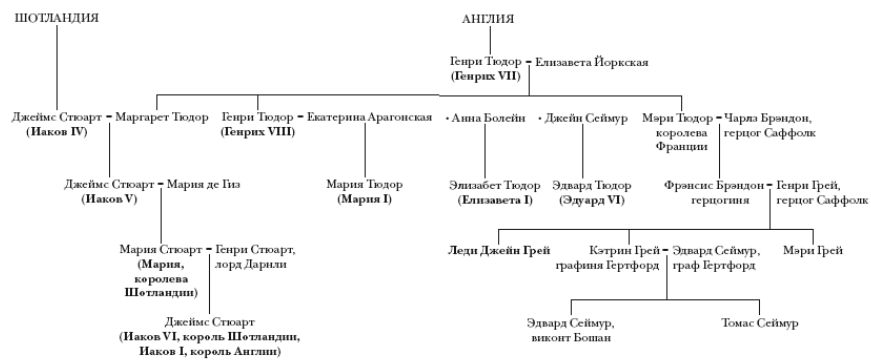

Copyright © Elizabeth Fremantle, 2014

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

ТЮДОРЫ И СТЮАРТЫ. Порядок престолонаследия

Монархи выделены полужирным шрифтом; приводятся только браки, в которых рождались наследники престола

Пролог

Лондонский Тауэр, февраль 1554 г.

Левина

Фрэнсис трясло, как в лихорадке. Левина решительно взяла ее под руку и прижала к себе. В голых ветвях деревьев свистел холодный, пронизывающий ветер. От сильных порывов задирались подола платьев; женщины придерживали руками чепцы, чтобы не слетели, потуже завязывали ленты под подбородком. Зимнее небо отливало перламутром, словно в облаках кто-то открыл устричные раковины. На бледном размытом фоне силуэт Белой башни казался особенно зловещим. Редкая толпа зрителей топталась у эшафота; они молча переминались с ноги на ногу и дышали на ладони, пытаясь согреться. Два возчика катили тачку, но Левина не смотрела на них. Запрокинув голову, она разглядывала окно под самой крышей башни; ей казалось, что она видит в проеме человеческую фигуру.

– О боже! – прошептала Фрэнсис, зажимая рот рукой. – Гилфорд!

Левина обернулась и замерла от ужаса. В тачке под окровавленным тряпьем лежало тело Гилфорда Дадли. Дыхание Фрэнсис участилось, сердце забило в горле как сумасшедшее, лицо позеленело. Левина взяла ее за узкие, как у девочки, плечи, развернула к себе лицом и, пристально глядя ей в глаза, приказала:

– Дышите глубже, Фрэнсис, дышите глубже! – Она задышала глубоко и ровно, надеясь, что Фрэнсис, подражая ей, немного успокоится. Левина не могла представить, что испытывает несчастная мать в ожидании казни своей семнадцатилетней дочери, когда осознала, что не в ее силах помешать страшному действию.

– Не понимаю, почему Мария... – Фрэнсис словно поперхнулась словами и начала снова: – Почему королева не позволяет нам увидеться с ней... Чтобы попрощаться.

– От страха она стала безжалостной, – ответила Левина. – Наверное, ей всюду мерещатся заговоры. Ей кажется, что даже мать и ее приговоренная к смерти дочь способны плести интриги... – Она склонилась к своему борзому псу по кличке Герой и погладила его выпуклые позвонки. Пес, словно желая ее успокоить, ткнулся носом ей в юбку.

Левина вспомнила, как рисовала Джейн Грей в ее королевских регалиях – с тех пор не прошло и года. Тогда ее внимание привлекла юная девушка с пристальным взглядом широко расставленных темных глаз, в которых мелькали золотистые искорки, у нее были длинная шея и изящные руки. Джейн производила впечатление одновременно силы и незащитности. Конечно, «рисовала» – не совсем точное слово, потому что Левина едва успела приколоть к доске бумагу для эскиза и приступить к фону. Вскоре в Лондон во главе армии прибыла Мария Тюдор и свергла с престола свою юную кузину, которой сегодня отрубят голову. Тогда именно Фрэнсис Грей помогла Левине разбить доску и бросить ее в огонь вместе с этюдом. Последнее время колесо фортуны поворачивалось в Англии очень быстро.

Бросив взгляд через плечо, Левина заметила группку католических священников. Среди них выделялся Боннер, лондонский епископ, толстый и гладкий, похожий на нелепого младенца-переростка. Левина хорошо знала его, ведь она живет в его приходе; Боннер славился своей жестокостью. Он расплылся в надменной улыбке – радуется, что юной девушке отрубят голову? Торжествует победу? Левине очень хотелось бы влечь ему пощечину, стереть с его

физиономии самодовольную улыбку. Она отчетливо представляла себе багровую отметину у него на лице, и даже ладонь у нее зачесалась, словно после удара.

– Боннер, – прошептала она, наклоняясь к Фрэнсис. – Не оборачивайтесь. Если он встретится с вами взглядом, еще, чего доброго, поздоровается!

Фрэнсис кивнула, сглотнув подступивший к горлу ком. Левина поспешно увела подругу подальше от вновь пришедших, чтобы она не столкнулась с ними лицом к лицу. Немногие явились взглянуть на казнь девушки, которая пробыла королевой лишь несколько дней. По слухам, над Анной Болейн пришли поглумиться несколько сот человек, с нее и пошла мода обезглавливать королев. Сегодня никто не будет свистеть и улюлюкать. Все в ужасе от предстоящей казни, кроме Боннера и его приспешников, но даже они не настолько тупы, чтобы публично демонстрировать радость. Левина думала о королеве во дворце, представляла, как бы она ее нарисовала. Сейчас Мария сидит в окружении самых доверенных фрейлин – скорее всего, все они молятся. Но Левине Мария представлялась в одиночестве в пустом приемном зале; когда ей только что сообщили, что по ее приказу казнили ее молодую родственницу, которую она прежде так любила. У Марии на лице вовсе не скрытое торжество, как у Боннера, и не страх, хотя ей есть чего бояться. В конце концов, прошло лишь несколько дней после неудавшегося вооруженного мятежа Томаса Уайетта. Восставшие хотели посадить на престол сестру Марии Елизавету. Левина отчетливо видела перед собой узкое лицо королевы, белое, как лист нового пергамента, ее мертвые, бесстрастные глаза. Судя по всему, казни только начались.

– Во всем виноват ее отец, – бормотала Фрэнсис. – Я не могу не думать о том, что он сделал, Левина... Из-за его бездумного тщеславия... – презрительно выплевывала она, точно произносимые ею слова были грязные.

Левина снова бросила взгляд на верхний ярус башни, гадая, кто там в окне. Может быть, муж Фрэнсис, отец Джейн, Генри Грей, которого также обвиняют в государственной измене. Тачка остановилась рядом с невысоким строением наискосок от них. Возчик завел разговор с каким-то приятелем; похоже, ему скучно и безразлично, что он везет в своей тачке тело казненного юноши.

– Это карточный домик, Вина, карточный домик!

– Фрэнсис, не надо. – Левина положила руку на плечо подруги. – Вы сведете себя с ума.

– А королева... где ее милосердие? Ведь мы ее близкая родня. *Elle est ma première cousine; on était presque élevée ensemble*¹.

Левина молчала и лишь крепче сжимала плечо подруги. Фрэнсис часто забывала о том, что Левина почти не понимает по-французски. Левина никогда не спрашивала Фрэнсис, почему та, англичанка до мозга костей, так любит французский язык – тем более что при дворе Франция давно не в моде. Возможно, любовь к французскому как-то связана с матерью Фрэнсис Марией Тюдор, младшей сестрой Генриха VIII, которая около года была женой короля Франции Людовика XII.

К ним приближался какой-то незнакомец; из-за развевающегося на ветру черного плаща он был похож на летучую мышь. Остановившись рядом с двумя женщинами, он вежливо поклонился, снял берет и стал мять его в руках.

– Миледи, – произнес он, щелкая каблуками. – Сэр Джон Бриджес, комендант Тауэра.

Вид у него был суровый. «Наверное, – подумала Левина, – именно так должен выглядеть тюремщик». Правда, он тут же оставил официальный тон.

– Всей душой сочувствую вам. Мы с женой... – Он сбился, голос его едва заметно задрожал. – За последние месяцы мы очень привязались к вашей дочери. Она замечательная девушка.

¹ Она доводится мне двоюродной сестрой; мы почти выросли вместе (*фр.*).

Фрэнсис, не в силах вымолвить ни слова, молча взяла коменданта за руку и медленно кивнула.

– Сейчас ее спустят вниз. – Сэр Джон понизил голос почти до шепота: – Я могу устроить, чтобы вы ненадолго повидались с ней. Она отказалась видаться с мужем перед тем, как его... – Видимо, он собирался сказать: «Перед тем, как его казнили», но ему хватило такта промолчать. – Она попросила позволения увидеться с вами.

– Отведите меня к ней, – с трудом выговорила Фрэнсис.

– Предупреждаю, будьте крайне осторожны. Мы не должны привлекать к себе внимание. – Сэр Джон явно имел в виду Боннера и свору его приспешников. – Сейчас я уйду. Через несколько секунд следуйте за мной. Войдите черным ходом вон в то здание. – Он жестом указал на невысокую пристройку к Колокольной башне. – Мы будем ждать вас там.

Он ушел; через некоторое время Фрэнсис и Левина последовали за ним. Со стороны было похоже, что они ищут убежища от ветра. Им пришлось пригнуться, чтобы пройти в низкую дверь; закрыв ее за собой, они оказались в полной темноте и не сразу разглядели напротив входа еще одну дверь. Левина гадала, нужно ли им войти в нее. Она понимала, что ей придется взять инициативу на себя, потому что Фрэнсис, похоже, сейчас ни на что не была способна. Когда она сделала шаг в сторону второй двери, та со скрипом открылась; из-за нее выглянул Бриджес. Увидев женщин, он открыл дверь шире, и к ним вышла Джейн. Она была в черном с ног до головы. В своих маленьких белых ручках она держала две книги.

– Мама! – с улыбкой произнесла она, как будто сегодня был самый обычный день.

– *Chérie!* – воскликнула Фрэнсис, мать и дочь кинулись друг к другу в объятия. Фрэнсис снова и снова шептала: – *Ma petite chérie!*²

Французский язык добавлял встрече драматизма, как будто они разыгрывали живую картину. Левину поразило и то, что Фрэнсис скорее можно было принять за дочь Джейн, которая была очень сдержанна и хладнокровна.

Левина отошла в сторону и тактично отвернулась. Правда, мать и дочь, похоже, забыли о том, что она тоже здесь.

– Мне так жаль, *chérie*... о, как мне жаль!

– Знаю, *Maman*. – Джейн первая разомкнула объятия и, собираясь с духом, разгладила платье. – *Ne vous inquiétez pas*³. Господь избрал меня для этого. Я по доброй воле отправляюсь к Нему как посланница новой веры.

Нет больше той девушки, портрет которой Левина писала несколько месяцев назад; теперь перед ними явилась молодая гордая женщина, безупречная и спокойная. Левина тяжело вздохнула. Неожиданно в голову ей пришла странная мысль: Джейн Грей могла стать гораздо более достойной и мудрой королевой, чем Мария Тюдор. Если бы народ увидел ее такой, какая она сейчас, никто бы и не подумал поднимать армию для ее свержения и воцарения на престоле ее кузины-католички.

– Жаль, что у меня нет хотя бы немного твоей отваги, – пробормотала Фрэнсис.

– Пора, *Maman*, – сказала Джейн, покосившись на Бриджеса. Тот медленно, торжественно кивнул. Джейн передала Фрэнсис одну из своих книг, прошептав: – Там, внутри, послание для вас – и еще одно для Кэтрин; ей я написала кое-что в самой книге, потому что в противном случае она наверняка потеряет письмо – моя младшая сестренка вечно все теряет! – Она засмеялась; ее звонкий смех даже у Фрэнсис вызвал подобие улыбки. На миг мать и дочь стали так похожи друг на друга, что Левина неожиданно для себя тоже улыбнулась. Смех Джейн оборвался, и она тихо попросила: – *Maman*, берегите Кэтрин. Боюсь, у нее не слишком много выдержки.

² Дорогая! Моя любимая малышка! (*фр.*)

³ Не тревожьтесь (*фр.*).

Левина вдруг с ужасом осознала, что младшая сестра Джейн неизбежно станет новым центром протестантских заговоров. Многие наверняка захотят свергнуть католичку Марию Тюдор и посадить на трон кого-то из своих единоверцев; но заговорам суждено было заканчиваться неудачей.

– А что передать от тебя Мэри? – Фрэнсис имела в виду младшую из трех своих дочерей.
– Мэри умная. Ей мои советы не нужны.

Взмахнув тонкой рукой, Джейн ушла. Миг – и ее нет, и внутренняя дверь закрылась за ней. Фрэнсис одной рукой крепко прижала к себе книгу, а второй схватилась за стену, чтобы не упасть.

– Пойдемте. – Левина взяла ее под локоть и вывела на улицу, где бушевал ветер. За то время, пока их не было, зрителей у эшафота добавилось, и все же это была не толпа, а лишь группа людей.

Но вот они появились: первым появился мертвенно-бледный Бриджес, за ним – католический священник, которому так и не удалось обратить Джейн в свою веру. Головы у обоих низко опущены. За ними шла Джейн, отважная, с прямой спиной, она держала перед собой раскрытую Псалтирь, губы шевелились в молитве. По бокам от нее шествовали две ее фрейлины, которые не могли сдержать слез. Сцена отпечаталась в мозгу Левины: черное платье Джейн на фоне желтовато-серого камня Тауэра у нее за спиной; то, как ветер дергал подолы платьев, чепцы, словно предлагая побег; скорбные фрейлины, чьи яркие платья выглядели неуместно; бледное лицо Бриджеса; выражение суровой безмятежности на лице Джейн. Левине захотелось запечатлеть сцену в красках. Сильный порыв ветра сломал ветку ближайшего дерева, и она с треском упала на землю, так близко от Лондонского епископа, что тот испуганно вздрогнул и отошел подальше. Интересно, подумала Левина, многие ли из присутствующих, подобно ей, пожалели, что ветка не упала на голову Боннеру или кому-то из его приспешников.

Джейн Грей поднялась на помост и развернулась к зрителям, собираясь говорить. Она была так близко, что, если бы Левина встала на цыпочки, смогла бы дотронуться до подола ее юбки. Но порывы ветра унесли прочь слова приговоренной; до них долетали лишь обрывки ее речи:

– Умываю руки мои в невинности... – Она сложила свои маленькие ручки. – Я умираю истинной христианкой и не ищу спасения никаким другим способом, а только милостью Божией. – Джейн до последнего мгновения хранила верность новой вере; Левина жалела, что ей недостает непреклонности этой молодой девушки.

Произнеся речь, Джейн сбросила с плеч платье, передала его фрейлинам и развязала чепец. Когда она сняла его с головы, волосы, свободные от лент и завязок, плавно взмыли вверх, как будто хотели поднять ее в небеса. Она обернулась к палачу. Левине показалось, что он просит у нее прощения, но слов она не слышала. Зато увидела искаженное лицо – значит, происходящее ужасало даже палача. Только Джейн выглядела совершенно спокойной.

Джейн взяла у одной из фрейлин плотную ленту и, покачав головой, отказалась от чьей-либо помощи, сама завязала себе глаза. Затем она упала на колени, сложила руки перед собой и произнесла молитву. Помолившись, она вдруг словно потеряла самообладание, пошатнулась и потянулась к плахе, но не могла найти ее с завязанными глазами.

Все смотрели на нее, но никто не пытался ей помочь. Зрителей словно парализовало от ужаса при виде того, как совсем юная девушка на пороге смерти пытается ухватиться за что-то прочное. Не было слышно ни звука; даже ветер утих, как будто само Небо затаило дыхание. А Джейн все искала плаху, размахивая руками в воздухе. Не в силах больше выносить ее страданий, Левина вскарабкалась на эшафот и сама положила холодные маленькие ручки, в сущности, совсем еще детские, на место. Слезы жгли ей глаза, когда она с трудом спустилась к Фрэнсис, оцепеневшей от горя.

Взмах топора, струя алой крови – и все кончено... Фрэнсис упала на руки Левины; та удержала ее и закрыла ей глаза, когда палач поднял за волосы голову Джейн Грей и показал ее толпе: дело сделано. Левина не знала, почему она сама подняла глаза, но, когда она смотрела на эшафот, ей казалось, что она видит не то, что происходит в действительности, а сцену, возникшую в ее воображении: на месте палача – королева со скрюченными пальцами, которыми она держит окровавленную голову своей молодой родственницы. Лицо королевы спокойно, она не замечает, что ее платье в крови. Зрители молчат; только вновь, словно в негодовании, поднимается ветер.

Левина отошла в сторону; ее вывернуло в сточную канаву.

Часть первая Королева Мария

Дворец епископа, Винчестер, июль 1554 г.

Мэри

– Сидите тихо, Мэри Грей, – велела мистрис Пойнтц, и голос у нее такой же грубый, как ее пальцы. – Не вертитесь!

Она слишком сильно дергала меня за волосы, заплетая ленты. Мне хотелось крикнуть, чтобы она прекратила, чтобы не трогала меня.

– Ну вот, – сказала она, надевая мне на голову чепец и туго завязывая его под подбородком.

Чепец закрыл мне уши. Я слышала шум моря, как в большой раковине, которую мы, бывало, прикладывали к уху в Брадгейте. Интересно, что случилось с той раковиной после того, как Брадгейт перестал быть нашим домом?

– Магдален поможет вам надеть платье. – Пойнтц слегка подтолкнула меня к черноволосой девушке; та мрачно покосилась на меня.

– Но я еще не... – начала было Магдален.

– Прошу вас, делайте как я велела, – прервала ее мистрис Пойнтц, и голос у нее такой же жесткий, как обруч под моей верхней юбкой.

Брюнетка закатила глаза и переглянулась со стоящей рядом с ней кузиной Маргарет.

Нас окружала настоящая неразбериха: сундуки с откинутыми крышками, в которых сложены платья; чепцы то и дело падали с подоконников; повсюду лежали груды украшений. В воздухе плыли ароматы духов. Невозможно и шагу ступить, чтобы не получить тычка, так у нас было тесно; девицы толкали друг друга локтями, дотягиваясь до своих вещей. Мамап страдала почти так же, как и мы, потому что ей приходилось делить комнату еще с пятью дамами. Но их комната хотя бы закрывалась. Комната четырнадцати младших фрейлин, где мы ночевали, на самом деле представляла собой лишь занавешенный угол в конце коридора. Все утро мистрис Пойнтц отгоняла от занавеса любопытных молодых людей, которые надеялись хоть одним глазком увидеть, как переодеваются девушки постарше.

Я протянула платье Магдален; та взяла его и презрительно хмыкнула:

– Интересно, как его надевать? – Она встряхнула его кончиками пальцев, стараясь держать подальше от себя.

– Верхняя часть, – я показываю высокий воротник, который сшили специально по моей фигуре, – надевается вот так.

– Прямо на горб? – фыркнула Магдален.

Я заставила себя не плакать, спрашивая себя, что бы сделала на моем месте сестрица Джейн. «Будь стойкой, Мышка, – наверняка сказала бы она. – Не показывай никому, что ты чувствуешь на самом деле».

– Не знаю, почему королева хочет, чтобы такое создание присутствовало на ее свадьбе, – шепнула Магдален кузине Маргарет, но не слишком тихо, так что я все слышала.

Боясь, что заплачу и все будет еще хуже, я представила себе портрет Джейн. Помню, однажды она сказала: «Господь избрал для тебя определенный путь, и на то непременно есть какая-то причина. В Его глазах ты – совершенство, и в моих тоже». Но я-то знаю, что я – не

совершенство; у меня сутулые плечи и искривленная спина, а ростом я с пятилетнюю девочку, несмотря на то что лет мне почти вдвое больше. «И потом, важнее то, что вот тут», – перед моим мысленным взором Джейн прикладывает кулачок к сердцу.

– У Мэри Грей больше прав присутствовать на королевской свадьбе, чем у вас, – возразила ей Джейн Дормер, любимица королевы. – В ее жилах течет королевская кровь.

– Но в каком уродливом теле! – пробормотала Магдален и, фыркая, начала шнуровать мне корсет.

Ценой предстоящей свадьбы стала жизнь моей сестры; ее убила королева. Хотя прошло сто шестьдесят четыре дня с тех пор, как ее убили (я помечаю каждый день в своем молитвеннике), горечь утраты не притупилась – и, наверное, не пройдет никогда. Я похожа на дерево, в которое ударила молния; такое дерево росло в Брадгейтском парке. Внутри оно совершенно выгорело и стояло черное и пустое.

Ненавидеть королеву так, как ненавидела ее я, – грех, государственная измена. Но я ничего не могла с собой поделать. Ненависть разрасталась во мне. «Не показывай другим свои чувства», – наверняка сказала бы сейчас Джейн.

– Ну вот, – сказала Магдален, отворачиваясь. – Все готово.

Она зашнуровала меня так туго, что я чувствовала себя голубем, которого нафаршировали и зашили нитками перед тем, как жарить.

– Елизавета будет на свадьбе? – спросила кузина Маргарет.

– Конечно нет! – ответила Магдален. – Она заперта в Вудстоке.

– Бедняжка! – обронила Джейн Дормер.

В комнате повисло молчание. Может быть, все они сейчас думали о моей сестрице Джейн и о том, что бывает с теми, кто слишком близко стоит к королевскому трону. Раньше портрет Елизаветы висел в длинной галерее Уайтхолла, но теперь о нем напоминает лишь темный прямоугольник на деревянной панели.

Меня беспокоила еще одна мысль: ведь сестрица Кэтрин тоже входит в число девушек, которые стоят совсем близко к королевскому трону.

– Кто-то сказал, что Елизавета даже в парк не может выйти без охраны, – прошептала Магдален.

– Хватит сплетничать! – прервала ее мистрис Пойнтц и обратилась ко мне: – Где ваша сестра?

– Кэтрин? – спросила я, не совсем уверенная, о ком именно она говорит – среди фрейлин много сестер.

– Разве у вас есть другая сес... – Мистрис Пойнтц умолкла. Наверное, вспомнила, что другая моя сестра умерла. Теперь она улыбнулась мне, склонив голову, и погладила меня по плечу со словами: – Мэри, платье сшито хорошо. У вас в нем красивая фигурка. – Голос у нее певучий, как будто она говорила с маленькой девочкой.

Я угадала неприязнь за ее улыбкой и в том, как она украдкой вытерла о юбку руку, которой прикасалась ко мне, как будто боялась заразиться. Я не ответила, и она послала Джейн Дормер на розыски Кэтрин – та, судя по всему, снова проказничала.

Я заметила в груди вещей Кэтрин Новый Завет на греческом, который принадлежал сестрице Джейн, и вынесла его в коридор, раскрыла обложку и на внутренней стороне увидела письмо, адресованное Кэтрин. Самого письма я не читала, только любовалась мелким почерком Джейн. Мне не нужно читать письмо, ведь я выучила его наизусть:

«Милая сестрица, оставляю тебе книгу закона Божия. Вот Его последняя воля, то, что Он завещал нам, грешным; Его слова направляют по стезе вечной радости. И если тебе хватит здравомыслия прочесть книгу, она приведет тебя к бессмертию и жизни вечной. Она научит тебя жить; она же научит тебя умирать».

Я все старалась понять, почему Джейн ничего не написала мне. Почему она написала Кэтрин, призывая ее прочесть Новый Завет, хотя мне было доподлинно известно, что Кэтрин едва разбирает греческий. Зато я хорошо читаю по-гречески; бывало, я каждый день слушала, как Джейн читала свою Библию на греческом, а Кэтрин в то время гонялась за своими щенками по парку да строила глазки папиным пажам. Я внушала себе: должно быть, Джейн думала, что мне руководство не требуется. Но хотя я и понимаю, что завидовать стыдно и к тому же грешно, в глубине души очень завидую Кэтрин. И не потому, что Кэтрин красива, как летний луг, а я искривлена, как старое плодовое дерево, но потому, что Джейн решила написать ей, а не мне.

– Мэри, погуляем? – Пегги Уиллоби взяла меня за руку и вывела в крытую галерею, окружающую сад.

Последние дни выдались дождливыми; после ливня пахло свежей землей. Мы осторожно уселись на каменную скамью под навесом, стараясь не намочить платьев: если от воды на шелке останутся пятна, нам попадет от мистрис Пойнтц. Мы самые младшие; Пегги, воспитанница Мамап, всего на год старше меня, но больше чем на голову выше, ведь я так мала ростом! У нее светлые волосы, вздернутый нос и круглые блестящие глаза, но у нее заячья губа, и она невнятно говорит.

– Как по-твоему, какой он? – спросила Пегги. Она имела в виду нареченного королевы, испанского принца Фелипе; последние дни у нас в девичьих покоях только о нем и говорили.

Я пожалала плечами:

– Ты ведь видела его портрет.

Мы все видели портрет в Уайтхолле; глаза принца под нависшими веками смотрели на зрителя в упор, где бы он ни стоял. При одной мысли о нем меня бросало в дрожь. На нем сверкающие черные доспехи, позолоченные во многих местах; чулки у него белее лебединых перьев. Кэтрин и кузина Маргарет стояли перед портретом, когда его вешали, и толкали друг друга в бок:

– Посмотри, какие у него тонкие ножки! – заметила кузина Маргарет.

– А гульфик какой! – подхватила Кэтрин, и обе прыснули, прикрывая рты ладошками.

– А мне интересно, – сказала Пегги, – привезет ли он с собой *инквизицию*, как говорят некоторые? – Слово «инквизиция» она произносит, как будто оно горячее и его нужно поскорее выплюнуть, прежде чем оно обожжет ей рот.

– А, вот ты о чем, – ответила я. – Никто не знает.

– А что такое вообще «инквизиция»?

– Не знаю, Пегги. – Это ложь. Я прекрасно знаю, что такое инквизиция, потому что нам все объяснила Мамап. Инквизиция – когда людей преследуют и сжигают заживо за их веру. Но мне не хотелось пугать Пегги, ведь ей и так снятся страшные сны, а если у нее возникнет подозрение о том ужасе, который, по словам Мамап, угрожает Англии, она вообще не сможет спать. – Но ведь мы с тобой добрые католички, поэтому нам бояться нечего.

Ее рука потянулась к четкам, которые висели у нее на поясе. Пегги такая же католичка, как и я, то есть никакая, но мы должны притворяться, потому что от этого зависит наша жизнь. Так сказала Мамап.

– Поэтому королева не пускает Елизавету ко двору? Потому что она не принимает католическую веру?

– Откуда мне знать? – сказала я, вспоминая свою погибшую сестру и гадая, не кончит ли Елизавета так же, а следом за ней – и Кэтрин. Но я прогоняю страшную мысль до того, как она успела овладеть мною.

– Ты ничего не знаешь!

Пусть Пегги так и считает; я этого и хотела. Ведь на самом деле я знала даже слишком много. Все потому, что я внимательно слушаю все, о чем говорят взрослые и что я, по их мнению, не способна понять. Я знаю, что испанский посол хочет избавиться от Елизаветы, как он

хотел избавиться от Джейн. Известно мне и другое: королева пока не может себя заставить осудить сестру. Правда, то же самое мы все думали и о Джейн, ведь Джейн была одной из любимых кузин королевы. Последняя мысль потянула за собой другую: хотя мне многое известно, гораздо большего я не знаю. Зато я знала еще одно: в Англии не хотят, чтобы королева вышла за испанца. Все очень боятся последствий этой свадьбы.

– Помоги мне распусть корсет, – попросила я Пегги, меняя тему. – Он невыносимо жмет!

Пегги чуть распустила шнуровку, и у меня боль в спине немного утихла. Я наблюдала за черным дроздом, который клевал червяков своим желтым клювом, скача по камням на таких тонких ножках, что просто чудо, как они выдерживали его. Когда птичка взлетала к небу, я вспомнила Незабудку, любимого попугая королевы, величественное создание, вынужденное всю жизнь скрестись в клетке и повторять слова, смысла которых он не понимал.

– Тебе не кажется, что у животных есть душа? – спросила я.

– Мне – нет, – ответила Пегги. – Думать о таких вещах нечестиво.

Мне захотелось спросить у нее, задумывается ли она когда-нибудь о том, есть ли Бог вообще. Она наверняка пришла бы в ужас оттого, что у меня возникла такая мысль. И наверняка решила, что ее долг рассказать об этом, хотя бы для того, чтобы спасти меня от меня самой. Я представила потрясенное лицо мистрис Пойнтц. Кто знает, что тогда может случиться? Мне все больше и больше казалось, что вера не может быть истинной до тех пор, пока ты не усомнилась в ней до конца. Я знала, что такие мысли – ересь. Чувствовала, как мне в голову проникает Джейн. Сомневалась ли она когда-нибудь в своей вере? Если и да, то ни разу не поделилась своими сомнениями. Нет, мне кажется, что Джейн верила.

«С Богом ли ты?» – мысленно спросила я убитую сестру, и холодный порыв ветра коснулся моего лица.

– Пойдем, – сказала Пегги. – Мистрис Пойнтц будет спрашивать, куда мы подевались.

Кэтрин

– Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт... – шептала я снова и снова, бегая вокруг пруда. Земля раскисла от дождя; намочший подол юбки липнул к ногам.

– Леди Кэтрин, Кэтрин Грей! – зовет меня с крыльца Джейн Дормер.

Я притворилась, что не слышу.

– Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт... – У меня есть подарок на память; я храню его под корсажем, у сердца; это кусок атласной ленты, которую подарил мне Гарри Герберт. Я надевала ее на счастье в день нашей свадьбы. Лента была голубая, как вода, но давно истерлась и побурела, потому что так долго хранится у меня под одеждой. Кэтрин Грей... Фамилия у нас простая, «грей» значит «серый», серый, как черепица, как камни или волосы старой герцогини... Невозможно представить, что мы, Греи, – такая прославленная семья, что мы близкие родственники королевы. – Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт... – Я старалась думать только о нем, чтобы в голове не оставалось места для мыслей о сестрице Джейн или об отце, от тоски по ним у меня в душе словно образовалась пустота.

Со стыдом вспоминаю, как я раньше завидовала Джейн. Все говорили мне: твоя сестра – настоящее чудо, образец. Она так умна, так элегантна! Я завидовала ей до дрожи, до головокружения. А теперь я скучала по ней безмерно, хотя запрещала себе думать о ней из страха, что меня затопит горе. Я должна была думать о другом. В конце концов, мне четырнадцать лет; в моем возрасте девушкам положено думать о любви, о чем же еще?

– Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт... – И потом, все говорят, что красивее всех в нашей семье я, а если учесть, что случилось с моей бедной сестрой, я предпочитаю считаться красавицей, а не совершенством.

Я раскинула руки в стороны и закружилась, притворяясь, будто не слышу Джейн Дормер, которая, пыхтя, подобрала подол платья и стала спускаться ко мне с крыльца. Кружась, я смотрела в небо. Солнце как золотая монетка за пуховым одеялом – облаком.

– Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт... – Я старалась представить лицо моего мужа, но я так давно его не видела, целых семь месяцев, и его образ превратился лишь в смутное воспоминание. Правда, я помнила его запах: от него пахло миндалем. В первый раз я увидела его в день нашей свадьбы. Сама мысль о замужестве приводила меня в ярость, я вовсе не хотела замуж; тогда я была влюблена без взаимности в одного из наших кузенов. Сейчас я уже почти не помнила, как он выглядит, тот кузен, а ведь когда-то мне казалось, что от тоски по нему я зачохну!

Сестрица Джейн всегда говорила, что я слишком сентиментальна и что, если я не буду осторожна, сентиментальность меня погубит. Но я ничего не могла с собой поделать. Кто способен удержаться от сильных чувств, от головокружения, от слабости в любви? Вот что я почувствовала, когда впервые увидела Гарри Герберта в зеленом шелковом камзоле под цвет таких же зеленых глаз, которые неотрывно смотрели на меня! После того как я увидела радостную, одобрительную улыбку Гарри Герберта, бедный кузен был предан забвению.

Джейн Дормер подошла ко мне. Я перестала кружиться; мне пришлось ухватиться за нее, чтобы не упасть. Увидев ее испуганное лицо – она как будто хотела сказать: «Ради всего святого!» – я невольно прыснула.

– Не знаю, Кэтрин, чему вы так радуетесь! – Она отвела от меня взгляд и прижала руку ко рту, словно для того, чтобы не дать воли словам.

– Я радуюсь, потому что королева выходит замуж! – Мне казалось, такое должна была бы одобрить даже Джейн.

На самом деле Джейн Дормер была не так уж плоха, просто она совсем не похожа на меня.

– Мистрис Пойнтц просила меня привести вас, и нам надо поспешить, ведь вы даже не переоделись в нарядное платье. – Она взяла меня под руку и повела во внутренний двор.

– На свадьбе будет Гарри Герберт.

– Неужели вы до сих пор грезите о нем?! Ведь он больше не ваш муж... да и не был вашим мужем на самом деле!

Судя по тому, как она внезапно покраснела, я понимаю: она хотела сказать, что мы не вступили в брачные отношения. По правде говоря, в последнем я не уверена. Такова официальная версия; хотя я около месяца прожила в доме его родителей, мы с ним считались еще детьми, и по этой причине нас поселили раздельно. Когда пришла беда и Джейн бросили в Тауэр, Герберты попытались как можно дальше отойти от Греев. Тринадцати лет меня вернули в родительский дом невинной девицей. Но это не совсем так, потому что иногда мы с Гарри сбегали от наших компаньонов и урывали короткое время наедине. Сейчас, когда я вспоминаю его пытливые руки и язык, который проникал ко мне в рот, в животе у меня все сжимается. Сама не знаю, вступили мы с ним в брачные отношения или нет, но он дотрагивался пальцами до влажного средоточия моей женственности.

По ночам в девичьих покоях мы часто говорили о таких вещах, хотя ни одна из нас не знала наверняка, что происходит в супружеской спальне. Кузина Маргарет уверяла, что мужчина должен снимать штаны. Я точно помнила, что Гарри был в штанах – правда, в темноте, когда обнимаешься и целуешься, трудно сказать наверняка. Магдален Дакр заявила, что можно забеременеть от поцелуя, если язык проникает достаточно глубоко, а Фрэнсис Невилл уверяла, что дети появляются после того, как юноша трогал тебя внизу. Все мы наблюдали за тем, как на дворе спариваются собаки; но многим девушкам была невыносима мысль о том, что Господь повелел нам вести себя как животные, чтобы зачать детей. Хотя я ни за что им не признаюсь, при мысли об этом меня всегда охватывала странное возбуждение.

– Ах, посмотрите на мои туфельки! – Я заметила запачканные мыски туфель, которые были видны из-под юбок, когда мы поднимались по ступеням. Это мои любимые бальные туфельки. Шелковые красные цветы окрасили белый шелк, и все было запачкано глиной. Я пожалела о том, что так беспечно поступила с дорогой для меня вещью.

– Вы погубили их, – заключила Джейн Дормер, и неожиданно глаза мои наполнились слезами.

Раздался цокот копыт; нас догнали два всадника, одетые по испанской моде. Сейчас повсюду было полно испанцев. У двух незнакомцев были оливковая кожа и черные глаза; они бросали на нас оценивающие взгляды. Должно быть, мы им понравились, если можно судить по улыбке, которая ненадолго появлялась на губах того из них, что симпатичнее. Они поклонились, сняв шляпы. Джейн стояла, не поднимая головы, а я протянула руку, которую, увы, пожал прыщавый испанец – с таким видом, будто готов проглотить ее целиком.

Почему у мужчин всегда бывает так: если они ходят по двое и один из них симпатичный, его друг почти всегда оказывается настоящим уродом? Второй, прыщавый испанец, был похож на шелудивого пса, и, хотя я люблю собак (некоторые говорят – слишком люблю, ведь у меня их целых пять), он мне не понравился, как и его жадный взгляд. Его спутник был уже не так молод, на вид ему можно было дать лет тридцать пять, но в своем нарядном костюме он выглядел величественно. Кроме того, он был очень хорошо сложен. Жаль, но на меня он смотрел лишь вскользь и пожирал взглядом Джейн. Она по-прежнему скромно потупилась, а он оглядывал ее с ног до головы, и его глаза были похожи на прыгающих золотых рыбок.

– Красивая материя, – заметила я, легонько проводя пальцем по его пунцовому рукаву, в попытке обратить внимание мужчины на себя.

– Gracias⁴, – небрежно ответил он, мельком взглянув на меня.

Похоже, Джейн Дормер его совершенно очаровала; теперь она позволила себе посмотреть на него своими глубоко посаженными карими глазами, яркость которых подчеркивала ее белоснежную кожу. Испанец был не в силах оторваться от нее; мне пришлось признать, что я проиграла состязание. Впрочем, я с радостью уступила его Джейн Дормер; по-моему, у нее нет ни одного недостатка.

– Вы позволите мне представиться?

На то, чтобы произнести эту фразу, у него ушло бесконечно много времени, и я с трудом удержалась от смеха, но Джейн подняла голову – она образец самообладания – и без тени насмешки ответила:

– С величайшей радостью.

– Гомес Суарес, граф де Ферия, – объявил он, еще раз кланяясь, на сей раз ниже.

Джейн была так потрясена, что я подавила смех и сказала:

– Милорд, это Джейн Дормер, а я – леди Катерина Грей.

– Джейн До-ма... – повторил он, и я невольно прыснула, но он как будто и не заметил моей бестактности, потому что смотрел на Джейн, словно она – сама Богородица. – Delectata⁵, – продолжил он по-латыни.

– Ego etiam⁶, – ответила она.

Я пожалела, что не уделяла достаточно внимания своим урокам латыни. Бывало, няня утешала меня, когда я заливалась слезами досады из-за ошибок в учебе, понимая, что даже моя младшая сестра умнее меня: «Ничего, вы такая хорошенькая, что это не имеет значения».

⁴ Спасибо (*исп.*).

⁵ Очень рад (*лат.*).

⁶ Я тоже (*лат.*).

– Si vis, nos ignosce, serae sumus⁷, – спохватилась Джейн Дормер, беря меня за руку и готовясь уйти.

– Vos apud nuptias videbo⁸, – сказал Фериа. Единственное слово, которое я поняла, – «nuptias», что означает «свадьба».

Оказавшись в коридоре, я толкнула Джейн в бок и шепнула:

– Вы кое-кому нравитесь!

– Невозможно ведь, чтобы все кавалеры достались вам, – с застенчивой улыбкой парировала она.

– Да. Испанец остается за вами!

Джейн достаточно хорошо меня знала; она понимала: я хочу, чтобы все желали меня. Я ничего не могла с собой поделать. Именно это помогало мне не думать о том, что я предпочла бы забыть. Я снова принялась мечтать о Гарри Герберте. При одной мысли о том, что скоро я его увижу, меня охватывало волнение. Я знала, что он будет в числе англичан, которые вошли в свиту Филиппа Испанского, и была рада, что выпросила у Магдален Дакр башмаки на деревянной подошве, потому что в них я кажусь выше. Она, правда, уверяла, что в них невозможно долго ходить, но я тренировалась все утро и ходила туда-сюда по коридору, пока не привыкла к новому ощущению; наверное, я справлюсь неплохо.

– Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт, – бормотала я, вбегая в комнату для фрейлин, чтобы переодеться.

К тому времени, как я оказалась в покоях королевы, на ходу торопливо завязывая чепец, все были уже готовы выходить.

Сьюзен Кларенси раздавала распоряжения, напоминая всем, где они должны находиться во время процессии; начались обычные распри из-за того, кто должен кому предшествовать. Мархиап подозвала нас с Мэри и повела вперед, туда, где было наше место. Она поставила нас за собой и графиней Леннокс, еще одной кузиной королевы со стороны Тюдоров, но кузина Маргарет возмутилась, потому что хотела идти в паре со мной. Она протолкнулась вперед, оттесняя Мэри, и я, защищая сестру, отпихнула ее, бросая гневные взгляды, и, словно невзначай, наступила ей на ногу, что должно быть очень больно – ведь у моих башмаков грубая подошва! Но я все время думала о том, что, если бы здесь была моя сестрица Джейн, она шла бы в паре со мной, а Маргарет пришлось бы идти с Мэри. От таких мыслей все перевернулось у меня внутри, тем более что я вспомнила: среди приглашенных в собор не будет и отца. Как красив он был в парадном наряде, с орденом Подвязки, какой у него был величественный вид! Думать о нем было невыносимо. Я глубоко вздохнула, чтобы сдержать слезы, ущипнула себя за щеки и слегка покусала губы.

– Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт...

Позже, на пиру, когда все наелись досыта, слуги убрали со столов и музыканты начали играть. Испанцы толпились с одной стороны зала; они почти не улыбались и выглядели так, словно предпочли бы находиться в любом другом месте, только не здесь. Англичане стояли по другую сторону и враждебно глазели на испанцев. Сборище больше напоминало поле битвы, чем свадебный пир. На габсбургском лице новобрачного застыло мрачное выражение, потому что ему подносили еду на серебре, а его жене – на золоте. Но, несмотря на угрюмое выражение его лица, невозможно было отрицать, что он изящен; королева, совершенно потерявшаяся в своем пышном свадебном платье, согнувшаяся под тяжестью украшений, не сводила глаз со своего молодого мужа.

Гарри Герберт поймал мой взгляд – уже в тысячный раз за день. Он послал мне воздушный поцелуй; я показала, будто ловлю его и прижимаю к сердцу. Во время церемонии, когда

⁷ Здесь: если позволите, мы опаздываем (*лат.*).

⁸ Мы с вами увидимся на свадьбе (*лат.*).

мы должны были молиться за то, чтобы королева подарила Англии наследников престола, мы с Гарри переглянулись. Когда я в составе процессии подошла к собору, он уже стоял на ступенях, и мне понадобились все силы, чтобы не нарушить церемонию и не броситься к нему. Когда мы с ним поравнялись, он отбросил со лба кудрявую прядь и улыбнулся мне; отчего мне показалось, что я вот-вот упаду в обморок.

Мужчины выстроились в ряд для паваны; дамы стояли напротив. Я видела, что Гарри Герберт направляется ко мне, но его отец схватил его за руку и подтолкнул к одной из сестер Талбот. Я оказалась напротив прыщавого приятеля Фериа, который не знал ни одного танцевального па и все время поворачивал меня не в ту сторону. По правде говоря, я сама с трудом танцевала в башмаках на деревянной подошве, которые натерли мне пятки, поэтому, улучив первую же подходящую минуту, ушла, оставив прыщавого испанца развлекать кухню Маргарет, а сама села у стены рядом с Мэри – она была совершенно одна. Никто из девиц, кроме Пегги Уиллоби с заячьей губой, не хотел сидеть с ней, но Пегги уже легла спать. До того как мы прибыли ко двору, я на самом деле не замечала, что Мэри отличается от других. Конечно, я знала, что у нее искривлена спина, но дома никто не обращал на это внимания; для нас она всегда была просто Мэри, нашей маленькой Мышкой. Но при дворе мне то и дело приходилось защищать сестру от младших фрейлин. Здесь было настоящее змеиное гнездо!

Мэри зевнула, прислонилась головой к стене и пожаловалась:

– Очень хочется спать.

Я бы обняла ее, но она не любит, когда к ней прикасаются. Она говорит, что ее в жизни слишком много дергали – к ней без конца приглашали лекарей и знахарок. Ее привязывали к кровати и растягивали, втирали в нее дурно пахнущие травяные настои, чтобы размягнуть кости, и все в стремлении выпрямить ее. Потом за нее взялись священники с их молитвами; один, в Брандгейтской церкви, даже пробовал изгнать из нее дьявола. Но Мэри осталась такой, как была. Я подсунула свой мизинец под ее – у нас такой жест заменял объятия.

Я смотрела, как Гарри Герберт танцует с Магдален Дакр; они смеялись над какой-то шуткой. Смотреть на них было невыносимо, но и невозможно было оторвать взгляд. Он взял ее под руку, и у меня внутри все сжалось.

– У меня новость, – сказала Мэри.

– О чем?

– О Матап... – произнесла она нерешительно, и я заподозрила самое худшее. Мне не хотелось ничего слышать; с удовольствием заткнула бы уши и мычала что-нибудь, потому что боялась: еще одна плохая новость – и я совсем расклеюсь.

– Новость не плохая?

– Нет, хорошая. – Мэри смотрела на меня снизу вверх; ее круглые карие глаза были похожи на глаза новорожденного олененка.

– Что же тогда? – Гарри Герберт что-то зашептал на ухо Магдален, и я ошетибилась.

– Она собирается замуж.

Гарри Герберт передал Магдален дурно воспитанному испанцу и танцевал с кухней Маргарет. Слова Мэри не сразу дошли до моего сознания.

– Матап собирается замуж? Что ты, Мышка, это просто слухи.

– Но, Китти, я все узнала от нее самой!

Интересно, почему Матап обо всем рассказывает Мэри первой? Ее карие глаза казались теперь неискренними, и во мне проснулась старая ревность, какую я раньше питала к Джейн. Пришлось напомнить себе, что я говорю с маленькой Мышкой, с Мэри-горбуньей, которая никогда не делала мне ничего плохого.

– Она сама сказала мне, что намерена выйти за мистера Стоукса.

– За Эдриена Стоукса? Не может быть. Он ведь ее конюший... всего лишь слуга. И потом, королева ни за что не позволит...

– Она уже получила разрешение, – перебила меня Мэри.

– Она сама так сказала? – Мысли у меня в голове путались, и я чувствовала, как во мне закипает гнев, когда подумала о своем величественном отце, а вслед за ним – ничтожество, простолюдин, который ходит за лошадьми. – Как она могла?! – Я скучала по отцу, тоска по нему отзывалась в сердце острой болью. Папа не скрывал, что я – его любимица...

– По-моему, – тихонько сказала Мэри, – ей просто все надоело. Она сказала, что, выйдя за простолюдина, она сможет удалиться от двора, и мы тоже поедem с ней и будем в безопасности.

– В безопасности! – возмущенно повторила я.

– Китти, она его любит!

– Это невозможно! – негодовала я. – Ее мать была сестрой короля Генриха Восьмого, супругой короля Франции! И потом, даже если бы такое было возможно, такие дамы, как Маман, не выходят замуж по любви за своих конюших. – Но уж кому-кому, а мне следовало знать, что любовь способна появиться в самых неожиданных местах; более того, когда ты охвачен любовью, ты не способен рассуждать здраво.

Мне было невыносимо думать о том, что Маман больше не будет при дворе, а станет простолюдинкой миссис Стоукс – и эта мысль проникала мне под кожу, беспокоила, как чесотка. В глубине души я понимала, что должна радоваться ее счастью, но ничего не могла с собой поделать.

– И мы вместе с ней удалимся от двора?

– Не знаю, Китти. Может быть, нас королева не отпустит; ведь я у нее – вроде ручной обезьянки. – Последние слова она произнесла с необычной для себя горечью.

– Мышка! – Я почувствовала прилив любви к сестренке. Обида из-за того, что Маман с ней делится, сразу же прошла, как только я вспомнила, как тяжело живет Мэри. – Пойдем, я незаметно выведу тебя отсюда и уложу спать. Никто не узнает.

– Ой, смотри! – Она приподняла подол моего платья. – У тебя кровь идет. Наверное, из-за твоих башмаков. Я перевяжу тебе ногу.

Я была полна добрых намерений, но, когда мы встали, рядом с нами вдруг оказался Гарри Герберт. От него пахло миндалем. Он обвил рукой мою талию и прошептал мне на ухо:

– Выйдем со мной наружу! Никто не смотрит.

Я знала, что должна отказаться, сказать, что собираюсь уложить сестру спать, что нам нужно обсудить важные вещи; но, оказавшись рядом с ним, я просто не смогла устоять.

– Я сейчас вернусь, – сказала я Мэри и позволила увести себя, забыв об окровавленной ступне... забыв обо всем.

На улице было тепло; полная луна освещала двор серебряными лучами.

– Вот. – Гарри протянул мне фляжку.

Я поднесла ее к губам и отпила глоток. Жидкость обожгла мне горло, я закашлялась, потом засмеялась, и он тоже.

– Гарри Герберт, – сказала я. – Гарри Герберт, это вправду ты?

– Это вправду я, моя красавица Китти Грей.

Я сняла шляпу с его головы и провела пальцами по его волосам.

Мы оказались в небольшом садике, отгороженном от общего двора стенами, живой изгородью и травяным ковром. Я прикоснулась губами к его шее – она была соленая на вкус. Он запустил руку мне под рубашку.

– Мы с тобой муж и жена, – напомнил он.

– Так что это не грех, – хохотнула я. – Какой позор!

– Проказница Китти! Отец выпорет меня, если найдет нас! Я спустила с плеч верхнее платье, развязала чепец, и мои волосы разметались по влажной траве. Я широко раскинула руки. Он лег на меня; заулыбался и в лунном свете показался серебряным.

– Я так сильно хочу тебя, Китти, – пробормотал он, и его горячее дыхание ласкало мне кожу. Его губы приникли к моим. Наконец-то я ожила.

Мэри

Я ждала Кэтрин целую вечность. Подумала, что она уже не вернется. В глубине души меня терзала тревога, я боялась, что этот Гарри Герберт навлечет на нее беду. Я наблюдала, как его отец, Пембрук, ищет его среди танцующих. Мне показалось, что я вижу светло-золотистые волосы Кэтрин в толпе у двери, но ошиблась; когда девушка вышла на середину зала, я увидела, что у нее нет ни ярко-голубых глаз, ни сочных губ моей сестры. Я обращала на себя внимание, потому что сидела совершенно одна; постоянно ловила на себе любопытные взгляды. На меня все глазели из-за моего уродства, как, наверное, на сестру все глазают из-за ее красоты. Платье душило меня, спина ныла в твердом корсете; очень хотелось незаметно ускользнуть в девичьи покои, но я ни за что не сумею расшнуровать корсет на спине без посторонней помощи, а Пегги наверняка уже крепко спит. Маман тоже занята – она прислуживает королеве. Я дошла до того, что готова была воспользоваться даже помощью мистрис Пойнтц, но мне стало страшно при мысли о ее резкости.

Я решила подождать еще немного и понаблюдать, как королева пожирает взглядом своего молодого мужа. Она раскрылась как цветок, а он не скрывал разочарования. Интересно, чего он от нее ожидал? Может быть, ему послали портрет, который оказался слишком лестным, как тот мой портрет, который хранит Маман, – на нем у меня идеальная фигура. Чем дольше я наблюдала за новобрачными, тем больше ненавидела их обоих. Его разочарование превращало в посмешище то, чем был оплачен их брак, – жизнью моей сестры.

Никогда не забуду день, когда я узнала, что таится за династическим союзом с мощной дружественной державой. Это было прошлой зимой, после подавления протестантского мятежа. Придворные дамы, а вместе с ними я, просидели всю ночь без сна на тесной женской половине Сент-Джеймского дворца; мы, оцепенев, ждали прихода армии повстанцев. С мятежниками был и мой отец, хотя тогда я этого не знала. Я подслушала, как Маман шептала Левине, что, если мятежники доберутся до дворца, начнется «кровавая баня». Тогда подобные слова были за пределами моего понимания, но за последние месяцы я довольно много узнала. Кроме того, Маман сказала, что мы все должны в глубине души молиться за успех восстания; если королеву свергнут, Джейн освободят из Тауэра. Однако мы не должны были поверять свои мысли – даже шепотом – никому, кроме Господа. Я многого не понимала до сих пор и, как ни старалась, не могла соединить вместе разные куски истории. Мне ничего не говорят; считают меня слишком маленькой. Но я понимаю больше, чем они думают.

Именно после той ночи я узнала ужасную правду. Королева отдыхала в своем личном кабинете; я сидела у нее на коленях, как она любит, и растирала ее тощую руку, похожую на птичью лапку. Ее постоянно донимали и донимают всевозможные недомогания и боли.

– Сильнее, Мэри!

– Сильнее, Мэри! – проскрежетал попугай Незабудка, стуча клювом по перекладинам своей клетки.

Я боялась, что под моими пальцами запястье королевы переломится; она какая-то совсем бесплотная. Она еле слышно мурлыкала какую-то песенку, повторяя ее снова и снова, и вертела в руке миниатюру с изображением своего будущего мужа. То и дело вглядывалась в портрет и тяжело вздыхала – не то от счастья, не то от большого огорчения. Наверное, это и есть любовь. На примере Кэтрин могу догадаться, что в любви нет никакой логики.

– А теперь, Мэри, легонько, как перышко, – велела королева.

Я начала легко поглаживать ей руку кончиками пальцев, едва касаясь темной поросли волос, которые растут у нее до самого локтя. Наша королева довольно волосатая; ее ноги

покрывает густая темная шерсть. Когда я поделилась своими наблюдениями с Кэтрин и спросила, нормально ли это, она ответила: нет, ненормально, и показала свою гладкую, изящную ножку.

– Все потому, что она наполовину испанка – известно, что испанки покрыты шерстью, как медведицы.

И вдруг я что-то услышала – какой-то тихий звук, похожий на щелканье клюва. Королева перестала мурлыкать и прислушалась. Звук повторился: тихий стук, словно кто-то бросил камешек в стекло.

– Мэри, закатайте нам рукав, – приказала королева, протягивая мне руку.

Незабудка снова застучал клювом по клетке и прокричал:

– Мэри, закатайте нам рукав!

Я возилась с завязками, чувствуя ее растущее раздражение, отчего мои пальцы стали еще более неуклюжими. Она столкнула меня с коленей:

– Чепец! Платье!

Я принесла ей то, что она велела, и помогла облачиться, радуясь, что из-за жесткого платья из золотой парчи не заметно, насколько неловки мои движения. Королева взяла свечу и подошла к окну; немного постояла там, а затем вернулась в кресло. Потом приказала принести ей Библию и четки. Она велела мне устроиться на подушке у ее ног, сама восседала прямо, задрав подбородок, как будто изображала королеву на маскараде, а я, сидя на полу, напоминала ее любимую собачку.

За дальней стеной послышалось шарканье. Неожиданно прямо из стены вышла фигура в плаще, похожая на привидение. Должно быть, я с глупым видом разинула рот, потому что королева шлепнула меня по плечу:

– Мэри, не зевайте!

Фигура вышла на середину кабинета и поклонилась, сбросила капюшон и плащ в угол. Я узнала Ренара, испанского посла. При его появлении королева ожила, словно он высек из нее искру. Я часто видела Ренара с его свитой во дворце, издали любовалась его изысканными манерами, его безукоризненными нарядами. Он выглядел настолько совершенным, что невольно приходило в голову, будто он что-то скрывает.

– Вы принесли нам весточку от нашего жениха? – спросила королева, затаив дыхание.

– Да. – Ренар достал из-под дублета мешочек.

Королева сразу помолодела и стала похожа на девочку, которой принесли сладости. Она жадно схватила мешочек – по-моему, не следовало так выдавать свое нетерпение, – рывком развязала шнурки и с радостным вздохом положила себе на ладонь кольцо. Полюбовалась им, поднесла его к пламени свечи.

– Изумруд, наш самый любимый из всех драгоценных камней! – сказала она, надевая кольцо на палец и любуясь им. – Мне кажется, он уже знает меня.

Огромный камень на ее тонком пальце выглядел нелепо.

Помню, мне сразу показалось, что раньше я уже где-то видела это кольцо. Вскоре вспомнила, я видела его – на мизинце самого Ренара. Я часто замечала то, чего не видят другие.

Королева тем временем краснела и ахала, как настоящая невеста.

– Смотрите, как красиво переливается свет на его гранях! – воскликнула она. – Это кольцо Фелипе? Он надевал его на свой палец? Что на нем выгравировано? Буквы... «S» и «R»... «SR»... Что они обозначают, Ренар? Какое-нибудь зашифрованное любовное послание?

– *Semper regalis*, – пожалуй, слишком быстро ответил посол.

– «Королева навсегда», – мечтательно повторила Мария.

– *Semper regalis!* – выкрикнул Незабудка.

Ренар усмехнулся и сделал королеве комплимент: мол, только у нее может быть птица, которая так быстро выучила латынь.

Я мысленно усмехнулась. Подумать только, Мария получила хорошее образование, стала королевой Англии и совсем недавно справилась с целой армией мятежников! Как могла она не догадаться, что буквы «S» и «R» обозначают просто «Симон Ренар»? Мне всего девять – правда, я развита не по годам, – но для меня все сразу стало ясно как день. Кольцо – вовсе не залог любви, не подарок от будущего мужа, а вещица, которую Ренар в спешке снял с собственного пальца, зная, что королева надеется получить подарок от своего испанского жениха.

Кольцо – обман. Такой же обман, как слова, обращенные ко мне: «Мэри, ты уже не такая маленькая, и спина у тебя лишь чуть-чуть искривлена; она выпрямится, когда ты подрастешь». Мне говорят так, чтобы я не страдала из-за своего уродства, хотя я предпочла бы услышать правду. Однако королеве, по-моему, понравилась ложь Ренара. Я часто замечаю, что люди верят в то, во что хотят верить.

– Император просил поздравить вас с победой над мятежниками-еретиками. Он восхищен проявленной вами стойкостью. По его словам, лучшей партии для его сына невозможно найти. Он назвал вас «выдающейся королевой».

– В самом деле? – Мария напоминала зяблика, который прихорашивается и чистит перья.

– И еще он назвал вас «набожной»...

Королева медленно закрыла и вновь открыла глаза; на ее губах мелькнула еле заметная улыбка.

– Но... – продолжал Ренар, тихонько откашливаясь.

– «Но»?

– Но ту девицу... нельзя оставлять в живых.

Королева тихо ахнула:

– Она наша близкая родственница!

– В данном вопросе император непреклонен. При таком смятении, таком расколе из-за... реформаторов, еретиков... – Посол ненадолго замолчал, а затем продолжал: – Она представляет слишком большую угрозу для вашей власти.

Сначала мне показалось, что они говорят о сестре королевы, Елизавете; ходили слухи, что мятежники собирались посадить на трон ее.

– Она еще так молода! – Мне показалось, королева вмиг лишилась всей радости. Она принялась ломать руки, все растирая и растирая их, как будто смывая с них чернила. – Она провела с нами много счастливых дней в Бьюли.

Я тоже прекрасно помнила Бьюли; мы часто ездили туда в гости к Марии до того, как она стала королевой. Помню, что она всегда встречала нас словами: «Мои самые любимые кузины!» Помню, как Джейн отказывалась присесть перед святыми дарами в тамошней часовне. Тогда говорили: «Она это перерастет».

Теперь, когда королевой стала Мария, мы все вернулись в католичество; нам нужно быть очень осторожными. Так говорит Мапан.

– Ренар... – Голос у королевы стал сдавленным, не похожим на всегдашний. – Мы не можем. – Она встала; Библия и четки с глухим стуком упали на пол. – Вы не понимаете. Мы ее любим. Мы не можем допустить, чтобы ее казнили.

Королева принялась расхаживать туда-сюда, туда-сюда. Ренар следил за ней взглядом. Казалось, оба забыли о том, что я тоже все слышу.

– С казнью ее мужа мы еще можем смириться. В конце концов, эти Дадли – изменники до мозга костей. Но она... Она наша кузина, наша младшая кузина!

И только тогда на меня снизошло мрачное прозрение. Они говорили вовсе не о Елизавете; они говорили о моей сестре Джейн и ее муже, Гилфорде Дадли! Я невольно ахнула. Королева и Ренар дружно развернулись ко мне; ее лицо искажало отчаяние, а на лице Ренара проступило что-то другое... Надеюсь, ему стало стыдно.

– К тому же ее сестра, – прошептала королева, указывая на меня. – Ее сестра! – Она без сил рухнула в кресло и закрыла лицо руками. – Нет, это невозможно!

– Ее сестра! – повторил Незабудка.

– Император... – Ренар бросился к ее ногам. – Император расценит ваш шаг как подтверждение помолвки с его сыном.

– Что вы такое говорите? – Ее глаза полыхнули гневом. – Неужели таково условие... – Она замолчала и, дрожа, глубоко вздохнула. – Принц Фелипе или Джейн Грей?

Мне хотелось закричать, напомнить им, что я тоже здесь, но я оцепенела.

– Условий как таковых никто не ставит, – бархатистым голосом ответил Ренар. – Император... который также является кузеном вашего величества... ничего так не желает, как безопасности ваших владений. Вас же он считает, по его собственным словам, «выдающейся королевой».

– Но... – начала Мария, но продолжать не стала.

– Простите меня за такие слова, мадам, но принц Фелипе, если можно так выразиться, ужасно жаждет брака с вами. Он думает о свадьбе, о вас, моя милая королева, как... – казалось, посол подыскивает нужное слово, – как ни о чем другом.

Королева снова повертела на пальце кольцо с изумрудом. Оно показалось мне еще более нелепым. Помню, тогда я пришла в ужас от того, что они задумали, – и пребываю в этом состоянии до сих пор. Моя добрая сестра, которая ни разу в жизни никого не обидела!

Королева наклонилась, схватила меня под мышки и снова усадила к себе на колени, крепко прижав к себе, так, что мне стало больно дышать. Потом она то ли тихо замурлыкала песенку, то ли застонала или тяжело вздохнула; я уловила резкий запах неролиевого масла, которым она любила умачать свою грудь; жесткая золотая парча больно царапала мне щеку. Как же мне тогда хотелось броситься к Маман, прижаться к ней! Я могу выносить только ее объятия.

– Можете идти, Ренар, – сказала королева.

Только после того, как посол ушел, королева выпустила меня.

– Ах, малышка Мэри, Господь многого требует от нас! – не глядя на меня, проговорила она. Потом принялась перебирать четки, бормоча молитву.

Мне хотелось соскочить с ее колен, выбежать из комнаты, из дворца – подальше от нее.

– Можно мне уйти? – прошептала я, перебивая ее молитву.

– Конечно, милая Мэри, ступайте, побегайте, – вот и все, что ответила она. Она ни словом не заикнулась о моей сестре, которую собиралась казнить, – ни единым словом! Когда я подошла к двери, она окликнула меня: – Мэри! – И я обернулась, думая, что она что-нибудь скажет. – Пришлите ко мне Сьюзен Кларенси и Джейн Дормер.

Из меня как будто выпустили весь воздух. Мне с трудом удалось выйти из ее личного кабинета.

Кто-то сжал мне плечо.

– Давай я уложу тебя спать, та *petite chérie*⁹. – Это Маман. Судя по тому, что у меня затекла шея, я, наверное, задремала, хотя как мне это удалось под громкую музыку и топот танцующих, сама не понимаю.

Она подхватила меня на руки и унесла из зала, но не в девичьи покои, а в свои, где нежно уложила на большую кровать под балдахином и стала раздевать.

– Но, Маман, а как же ваши приближенные? – сонным голосом спросила я, вспоминая, сколько дам делят с ней комнату.

⁹ Моя малышка (*фр.*).

– Не бойся, Мышка, – ответила она. – Я обо всем позабочусь. – Она слой за слоем сняла с меня наряды, пока я не осталась в одной сорочке, после чего нырнула на пуховую перину, похожую на облако. – Тебе лучше? – спросила она.

– Лучше, – ответила я. Какое-то время мы молчали; она гладила меня по голове, а я не могла не думать о Джейн; как я ни пыталась все понять, некоторые части истории оставались для меня загадкой до сих пор. – Мама, почему Джейн сделали королевой? – В голове у меня целый клубок спутанных вопросов.

– Ах, Мышка, не думаю, что...

– Только не говорите, что я еще маленькая! Расскажите, Маман! Я уже большая и могу знать правду.

Я видела наше большое родословное дерево, длинный свиток пергамента, разрисованный переплетенными позолоченными ветвями и завитушками; здесь и там нарисованы птички и нечто похожее на фрукты, которые висят гроздьями, но на самом деле представляют собой маленькие портреты. Однажды отец развернул свиток на полу большого зала в Брадгейте; он показывал нам с сестрами наших предков-королей. Благодаря им в наших жилах течет королевская кровь. Наш прадед – Генрих Седьмой, первый король из династии Тюдоров. Водя пальцем по позолоченным линиям, отец показывал нам всех наших кузенов, чтобы мы знали, с кем мы состоим в родстве.

– Своей наследницей ее назначил молодой король Эдуард – *rauvre petit*¹⁰. Ведь мальчиков в роду не было.

– А Мария и Елизавета?

– Его сестры? Их законнорожденность многими подвергалась сомнению. Зато у твоей сестрицы Джейн все сходилось просто замечательно – она исповедовала новую веру, была набожной, ученой и вошла в подходящий возраст для того, чтобы родить наследников мужского пола... Идеальный выбор. – Магхian умолкала и вздохнула, словно боялась расплакаться при мне.

– Мама, но ведь вы тоже могли бы претендовать на престол, и даже перед Джейн?

– Ах, *chérie!* – ответила она, сутулясь. – Я отказалась от своих притязаний в ее пользу.

Я старалась отделить то, что только что узнала, от клубка запутанных фактов.

– Значит, это вы... – Я вовремя умолкла, чтобы не продолжить и не сказать «вы виноваты», но Маман поняла, о чем я думаю. Ее глаза заблестели от слез, и я протянула ей свой носовой платок, который она взяла, не глядя на меня.

– Я должна жить с этим позором, – сказала она. – *J'ai bonte, jusque au coeur.*

– «Мне стыдно до глубины души», – вслух перевела я. – Но зачем вы так поступили?

Она снова тяжело вздохнула, как будто была наполнена отравленным воздухом и хотела выгнать его из себя.

– Мышка, в то время твой отец попал под влияние Нортумберленда, лорда-протектора. Можно сказать, твой отец попал в его сети. Сейчас я утешаю себя тем, что у меня не было выбора. А правда это или нет... – Она умолкла. – Мы все иногда обманываем себя. С возрастом ты поймешь. – Свеча шипела и плевалась, ее пламя уменьшилось. – А когда Нортумберленд узнал, что молодой король Эдуард умирает, они с твоим отцом сговорились женить на Джейн его сына, Гилфорда Дадли. – В ее глазах вспыхнул гнев. – Я не давала своего согласия на их брак! Но мое слово не имело для них никакого веса.

Постепенно клубок у меня в голове начинал разматываться.

– Значит, Нортумберленд хотел, чтобы настоящим королем стал его сын?!

– Нортумберленд обвел твоего отца вокруг пальца; тот заразился его тщеславием. А такой путь всегда приводит на плаху.

¹⁰ Бедный малыш (*фр.*).

Мамап прикрыла подбородок ладонью и смотрела на меня. Я заметила, как переливаются в тусклом свете ее каштановые волосы и оживает лицо. Кожа у нее белая, черты точеные, как у Джейн. Неожиданно до меня дошло, как мы все неразрывно связаны. Перед моими глазами возникали золоченые ветви родословного древа. У всех нас в жилах течет кровь Тюдоров; она нас объединяет. После того как мои мысли обрели стройность, я задала неизбежный вопрос:

– А как же Китти?! Очень многим не нравится, что на троне сидит католичка. Неужели никто не попытается надеть корону на Китти, ведь она следующая по старшинству после Джейн?

Мамап отвернулась и смотрела в пол.

– От всей души надеюсь, что нет, – тихо сказала она и еще тише продолжила: – *Dieu vous garde*¹¹. – Мне показалось, что нас накрыло огромным черным одеялом. Мамап пробормотала себе под нос: – Будем молиться, чтобы в этом браке с испанцем родился наследник.

Я решила сменить тему:

– После того как вы выйдете замуж, я точно буду жить с вами, вдали от двора? Разве я не понадоблюсь королеве?

– Теперь у королевы есть муж, и, если Господь на нашей стороне, скоро появится и наследник.

Я поняла: она хочет сказать, что, когда у королевы родится ребенок, меня уже не заставят изображать королевскую куклу.

– Мамап, я хочу только одного: быть рядом с вами.

– Так и будет. – Она отстегнула с пояса футлярчик с ароматическим шариком и положила его на подушку. Я вдохнула аромат лаванды. – Это поможет тебе уснуть, малышка.

– Мама, иногда я гадаю, что станет со мной, ведь ни один мужчина не захочет взять меня в жены, несмотря на то что в моих жилах течет много королевской крови. – Если только, с горечью подумала я, не найдется мальчик из благородных, у которого одна нога или две головы...

– Мышка, ты не должна забивать себе голову такими вещами. *Ne t'inquiètes pas*¹².

И все-таки я не могла не тревожиться. После того как отец и сестра погибли такой страшной смертью, мой мир казался мне хрупким; я боялась за тех своих близких, кто остался в живых. Лежала без сна, гадая, что будет с Кэтрин; мне казалось, что ее жизнь тоже в опасности. А если я лишусь и Мамап, стану считаться воспитанницей королевы и меня будут вечно перевозить из одного дворца в другой? Я знаю, думать только о себе – грех, но страх проник в меня, как лихорадка, поэтому я зажмурилась и заставила себя думать о другом будущем: о простой жизни в тихом месте, где девочками не размениваются, как пешками в шахматной партии.

¹¹ Храни нас Господь (*фр.*).

¹² Не тревожься (*фр.*).

Ладгейт, июль 1554 г.

Левина

Левина наблюдала за спящим сыном Маркусом, который вернулся домой после занятий. Он лежал на скамье во дворе их дома в Ладгейте; рядом в солнечном кругу растянулся пес Герой. Трудно поверить, что шестнадцать лет назад она качала сына в колыбели, а он был крошечным свертком у нее на руках; теперь он превращался в мужчину, и для нее начался мучительный период, который проходит каждая мать: приходилось постепенно, шаг за шагом, отпускать его от себя. От таких мыслей у нее сжималось сердце. Маркус родился недоношенным; никто не думал, что он выживет. Соседи перешептывались: вот что бывает, когда женщина занимается мужским делом. Левина проводила слишком много времени среди кистей и красок, которые отравили ее лоно; у таких, как она, здоровые дети не рождаются. И все же Маркус выжил и, более того, здоров и крепок; кумушкам из Брюгге пришлось заткнуть рты. Левина иногда гадала, что бы сказали они все, если бы знали, что с тех пор она бесплодна; наверное, соседки испытали бы удовлетворение оттого, что все-таки оказались правы. Но ее поманил Лондон, и Брюгге остался только в воспоминаниях. Женщины в Ладгейте относились к ней со сдержанным уважением. Наверное, как ей казалось, они завидуют ее успеху при дворе. И все-таки она понимала: все они считали, что ее ремесло противно Господу. Похоже, у всех – что в Брюгге, что в Лондоне – имелось свое мнение о том, что думает или не думает Всевышний, но для Левины Господь – дело личное, тем более сейчас, когда на престоле королева-католичка.

Она развернула лист бумаги, положила его на стол и принялась набрасывать эскиз: спящий сын и Герой. Пес развернулся и положил подбородок Маркусу на бедро. За стеной слышался привычный уличный шум: торговцы нахваливали свои товары, а какой-то человек громко выражал протест против брака королевы с испанцем. Левина прошла мимо него, возвращаясь с рынка. Крики были слышны до сих пор, хотя протестующий успел изрядно охрипнуть. Своими воплями он все равно ничего не добьется – свадьба состоялась; теперь у англичан король-испанец, нравится им это или нет. Края листа загнулись, не желая лежать ровно, и она придавила углы четырьмя крупными камешками, которые держала специально для этой цели. Камешки она привезла с собой из Брюгге; они из отцовской студии. Мужа озадачило ее желание взять с собой в Англию четыре простых камня, когда у них столько багажа. Но камни служили воспоминанием о прошлом – возможно, еще больше, чем любые другие предметы.

Левина не скучала по Брюгге, но скучала по отцу. Она была его любимицей и понимала: он разочарован тем, что у него пять дочерей и ни одного сына. Только Левину он пускал к себе в мастерскую, где она, тогда совсем крошка, любовалась тонкими веленовыми листами, разрисованными его рукой, молитвенниками с изысканными рисунками и изящно выгравированным текстом, яркими, живыми цветами, позолотой, которая блестела, словно настоящее золото. Отцовская мастерская навсегда врезалась в ее память. Она, бывало, часами смотрела, как отец работает, на то, как на полях книжной страницы расцветают узоры, как в переплетении ветвей или виноградных лоз появляются птицы и звери. Иногда он рисовал на полях муху, так похожую на настоящую, что, казалось, она улетит, если поднести к ней руку. Иллюзия была полной.

Левина услышала, как хлопнула дверь. Всегда бдительный Герой поднял голову, но остался невозмутим. Должно быть, вернулся муж. Левина испытала легкую досаду. Она наслаждалась тишиной и одиночеством; ее набросок вот-вот готов был обрести очертания. Теперь же рисунок придется отложить – возможно, уже ничего не получится. Она снова посмотрела

на Маркуса. Солнце переместилось, и на его лицо косо падали тени – там, где свет проходил через перила. Левина заметила, что плечи у сына стали мускулистыми, а раньше были мягкими и пухленькими, как у ангелочков в флорентийской часовне.

Глядя на рисунок, она поняла, что ошиблась; ей не удалось запечатлеть настоящего Маркуса. Она скомкала бумагу и швырнула на пол. Герой, принимая бумагу за мячик, бросился к ней. Маркус повернулся, ненадолго открыл глаза и снова заснул. Из прихожей донесся голос Георга – он отдавал какие-то распоряжения слуге. Взяв новый лист бумаги, Левина начала снова, пристально разглядывая лицо сына в полосах света. Изнутри поднималось тепло. Ей приятно было узнавать черты, похожие на ее: округлые щеки, широко расставленные глаза, как у ее отца, широкий рот. Зато уши у Маркуса – точно как у Георга, как и большие руки, и темные волосы – у самой Левины волосы бесцветные.

Иногда она сама себе удивлялась. Ее маленькая семья состоит из мужчин, хотя она выросла в доме, до самой крыши набитом женщинами. Правда, при дворе женщин хватало, и она без труда нашла замену сестрам. Женщин семьи Грей она считала едва ли не родственницами. Особенно близкой стала для нее Фрэнсис. После того как они вместе присутствовали на казни Джейн, их взаимная привязанность еще больше укрепилась. Они подружились после смерти первой покровительницы Левины Катерины Парр. Ей пришла в голову неожиданная мысль: их странная дружба построена не на родстве или единстве интересов, а на общем горе. Они с Фрэнсис выросли в совершенно разной среде: она – обычная художница из Брюгге, а Фрэнсис – внучка короля. Но иногда женскую дружбу трудно объяснить в привычных терминах.

Левина очень боялась за Фрэнсис и ее дочерей. Они вынуждены находиться при дворе и угождать узурпаторше, которая свергла их дочь и сестру. Воспоминание о Джейн Грей не давало ей покоя, будоражило воображение. Левина слышала сплетни: многие порицают Фрэнсис за то, что она осталась при дворе Марии после того, как казнили ее мужа, дочь и зятя. Некоторые называли ее бессердечной. Никто не понимал правды: она осталась при дворе, потому что таково требование королевы. Фрэнсис не вольна собой распоряжаться! Но, кроме того, она пыталась заручиться милостью своей кузины и уберечь своих близких от страшной участи – в конце концов, у леди Катерины Грей, ее средней дочери, столько же прав на престол, сколько было у бедняжки Джейн.

Вошел Георг; молча остановившись за спиной у жены, он смотрел, как она рисует. Левина сделала вид, что не замечает его. Она была благодарна мужу за то, что тот с уважением относится к ее работе и никогда не пытается ей помешать. Вместе с тем она чувствовала себя виноватой за испытанное ранее раздражение. На лицо ей упала прядь волос; она сдунула ее, не поднимая головы. Она слышала дыхание Георга. Теперь уголь как по волшебству подчинялся ее желаниям, образ возникал на бумаге, как будто уже был там, а она с помощью какой-то алхимии проявила его, сделав видимым. Она закончила рисунок и с улыбкой повернулась к Георгу.

– Вина, тебе удалось его схватить, – сказал он, легко кладя руку ей на плечо. Его прикосновение показалось ей незнакомым. Георг несколько недель находился на дежурстве – он служил в личной охране королевы, – и супруги давно не виделись. Теперь им придется заново привыкать друг к другу после странного раздельного существования.

– Как ты, Георг? – спросила она. – У тебя усталый вид.

– Не останавливайся. Люблю смотреть, как ты рисуешь.

– Тогда сядь, и я нарисую тебя. Вон туда! – Она указала на табурет у окна, на солнце.

Иногда, глядя на мужа, Левина думала о том, что почти не знает его, ведь она видит в нем все того же молодого человека, который робко представился ее отцу много лет назад. На нем тогда было плохо сидящий, хотя и дорогой камзол, в котором он был похож на монаха. Левина вспомнила, как боялась, что у него под шапкой окажется тонзура; теперь ей стало смешно. Он

был племянником подруги матери и решил поискать жену среди многочисленных дочерей в семействе Бенинг.

Строго говоря, Бенинги были недостаточно родовиты по сравнению с Теерлинками, но Георг Теерлинк считался чудачком; на его лице вечно было испуганное выражение побитой собаки, и он сильно заикался – казалось, ему не под силу хоть одно слово выговорить целиком. Первое его посещение было мучительным; все напряженно ждали, пока он с трудом выговаривал обычные в таких случаях комплименты. Сестры Левины, в особенности Герте, встревоженно переглядывались, и каждая в душе надеялась, что он выберет не ее. Левине вдруг стало ужасно жаль Георга; должно быть, сочувствие отразилось у нее на лице, потому что он выбрал именно ее.

Ее отец был сангвиником, по крайней мере внешне, – он понимал, что рано или поздно потеряет свою любимицу, потому что она выйдет замуж, хотя, будь его воля, он удержал бы ее при себе навсегда. Но тогда Левине было семнадцать, и с дня ее замужества прошло уже семнадцать лет. Она удивленно покачала головой. Как быстро летит время! Все переговоры вела ее мать. Георг Теерлинк согласился взять ее без приданого, что было необычным.

Левина вспомнила и то, как мать спросила отца:

– Почему ты так несчастен? Ведь у тебя осталось еще четыре дочери! – Вместо ответа, отец вышел из комнаты.

Левина побежала за ним. Она догнала его в саду, где опадали листья.

– Все будет не так плохо, отец.

– Просто ты – моя любимица, Вина, – ответил он.

– Шшш! – Она приложила палец к губам. – Не то другие услышат!

– По-твоему, они ничего не замечают? – Отец заключил любимую дочь в объятия, и она радовалась, что не приходится смотреть в его сморщенное лицо.

– Разве не подозрительно, – спросила ее в ту ночь Герте, – что Теерлинк берет тебя без приданого? Несмотря даже на то, что он так ужасно заикается, их семья гораздо родовитее нашей. Что-то тут не так! Может быть, как муж он ни на что не способен?

Сестры часто обсуждали супружескую жизнь. Левина радовалась, что уедет от Герте, пусть даже отъезд означал, что она станет женой чудачка Георга Теерлинка. Вскоре после нее вышла замуж и Герте – за торговца сукном, достаточно богатого даже по ее запросам. Однако Герте умерла при родах первенца. А Левина приехала в Англию по приглашению королевы Катерины Парр, которая слышала о ней, и вместе с ней приехал ее муж, которого приняли на службу в личную охрану короля. Постепенно Левина полюбила мужа, главным образом потому, что он терпел ее занятия живописью. Его терпимость выгодно отличала его от подавляющего большинства мужчин. С годами заикание у Георга ослабло, но время от времени неожиданно проявлялось вновь. Как правило, он заикался в минуты волнения – либо от большой радости, либо от большого страха. Он никогда о том не упоминал, но Левина подозревала, что ему нелегко приходится среди других охранников – мужчины, собираясь вместе, могут быть такими же жестокими, как и женщины. Но в целом для него служба – дело неплохое, так как она требует терпения и молчания, то есть двух основных достоинств Георга.

– Ну вот, готово, – сказала она, откладывая в сторону угольный карандаш и передавая набросок мужу. – Что скажешь?

– Я получился стариком, – заметил Георг. – Я и правда выгляжу таким старым?

– Георг, с каких пор ты стал таким тщеславным? – Она засмеялась, и он обнял ее.

– Л-левина, – прошептал он, и она вспомнила, как они любили друг друга. Нежность затопила ее, стирая границы между ними.

Он увлек ее в соседнюю комнату. Она оглянулась на Маркуса, но сын безмятежно спал. Рядом с ним был Герой; пес перевернулся на спину. Они закрыли дверь и начали раздевать друг друга, часто дыша, возились со шнурками и застежками, срывали друг с друга одежду.

Когда юбка упала на пол, Левина вдруг смутилась. Вдруг Георгу не понравится ее полнота? За последнее время она изрядно поправилась. Но он, похоже, ничего не заметил; он уткнулся лицом в ее живот, как будто хотел поймать самую ее суть.

После того как они поужинали и Маркус лег спать, Георг взял стопку эскизов и начал их рассматривать, откладывая один за другим.

– Чьи это руки? – спросил он.

Левина подошла к нему и наклонилась к столу поверх его плеча – он разглядывал рисунки при тусклом пламени свечи. Сейчас он держал рисунок, на котором она изобразила руки Джейн Грей, где она слепо нащупывала плаху.

– Ничьи, это моя фантазия. – Ей не хотелось объяснять, как все было; не хотелось вспоминать тогдашний ужас и как она потом с трудом заставила себя воссоздать страшную сцену.

– Это ведь леди Мария Грей, верно? – Он смотрел уже на другой эскиз, а тот, страшный, убрал в самый низ.

– Да. – Левина нарисовала Мэри со спины, усадив под углом в три четверти. Она сделала много набросков Мэри, стараясь представить, как выглядит под пышными платьями ее искривленная, горбатая фигурка. Она вспоминала, как отец однажды водил ее в покойницкую, куда привезли тело карлика. Отец снова и снова заставлял ее рисовать его. Так она училась анатомии.

– Ты ведь не думаешь, что все люди одинаковы, – сказал он тогда. – Смотри на каждую линию в отдельности и на то, как она соотносится со всем телом.

Тогда она была так молода, что испытала потрясение от необычности пропорций карлика, его коротких ножек, длинного туловища, квадратной головы. Мэри Грей совсем не уродка. Пропорции у нее идеальны, но уменьшены, как у марионетки; на лице первыми замечаешь огромные, ясные глаза и губы, растянутые в улыбке, независимо от того, весело ей или нет. Как жаль, что она горбунья! И все же ее уродство словно притягивает Левину. Она видит в Мэри противопоставление идеала и несовершенства.

– Не представляю, как ей живется, – прошептал Георг. Левина гадала, о чем он – то ли об уродстве девочки, то ли о ее положении.

– Она сильнее, чем кажется, – ответила Левина. – Гораздо больше меня тревожит другая сестра.

– Леди Катерина?

Левина кивнула.

– Смотри! – Она взяла у мужа рисунки и нашла среди них портрет Кэтрин.

– Тебе удалось передать ее беззащитность, – замечает Георг. – И ее красоту. – Он внимательно разглядывал рисунок, поднося его ближе к свету. – Раньше я даже не замечал, как она похожа на отца.

– Ей досталось его обаяние, – заметила Левина. В свое время Генри Грей считался настоящим красавцем.

– В караульной говорят, что приемницей скорее сделают ее, а не Елизавету.

– Помоги ей Бог! – Левина попыталась представить капризную Кэтрин Грей королевой Англии. На первый взгляд, такое кажется невозможным, однако на самом деле все наоборот. В законном происхождении леди Катерины Грей, в отличие от Елизаветы, никто не сомневался. Именно она, представительница династии Тюдоров, считалась следующей в очереди наследования по «Декларации о престолонаследии» покойного короля Эдуарда. – Но королева рассчитывала произвести на свет наследника, который все исправит.

Георг покосился на жену и покачал головой.

Он продолжил молча просматривать ее работы и остановился на портрете Фрэнсис, который Левина рисовала по памяти. На рисунке Фрэнсис улыбалась. В жизни Левина уже довольно давно не видела ее улыбки.

– Почему так много портретов Греев? – спросил Георг.

– Фрэнсис создает картинную галерею в поместье Бомэнор. Она хочет, чтобы я нарисовала портреты их всех – они будут висеть там.

После казни герцога имущество Греев конфисковали, но королева вскоре вернула им почти все. Правда, они не получили назад Брадгейт, самое любимое свое поместье. И все равно Фрэнсис вздохнула с облегчением. Возврат земель стал для нее событием более важным, чем само по себе имущество. Решение королевы означало, что ей, пусть и в малой степени, удалось вернуть себе расположение Марии. И все же Фрэнсис по-прежнему ходит по краю пропасти – ведь у нее еще две дочери. За ними пристально следят. Приближенные Марии не верят в то, что они вернулись в лоно католицизма искренне. Фрэнсис призналась Левине, что Сьюзен Кларенси постоянно следит за ней и все, вплоть до мелочей, доносит королеве – что Греи едят, с кем переписываются, часто ли они молятся. Ничего удивительного, что Фрэнсис хотела поддержать свой дух, заказав портреты поредевших близких.

– Еще портреты! – Голос Георга выдал его недовольство. Может быть, ему бы хотелось, чтобы жена сидела дома и рожала детей – одного за другим.

– Не то, – ответила Левина.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что ты не имеешь права жаловаться на мои занятия живописью. Мы живем в основном на доходы от моего ремесла, – она обвела комнату рукой, показывая все, что у них есть, – серебряное блюдо на буфете, стекла в окнах, которые выходят на фасад, – все куплено в основном на средства, вырученные за ее работы. Она, конечно, понимала, что поступает нехорошо, потому что напоминает мужу о его недостатках. Левина знала: будь у нее другой, обыкновенный муж, он бы много лет назад выпорол ее и заставил подчиняться его воле.

– Правда, что Фрэнсис Грей собирается обвенчаться со своим конюшим?

– У тебя что, других забот нет, кроме как слушать сплетни в караульной? – Она с трудом удерживалась, чтобы не выдать раздражения. Левина прекрасно знала: Георг ревнует ее к Фрэнсис и знает, что ей неприятны слухи о том, какого мужа выбрала себе ее подруга. – Стоукс хороший, добрый человек. Кроме того, после того, как она с ним обвенчается, ни ей, ни ее дочерям больше не придется постоянно находиться при дворе. – Левина все больше повышала голос. – Почти никто этого не понимает! Мир не перевернется с ног на голову, если герцогиня выйдет за престолюдина!

– Я не хотел... – начал Георг.

– Прости меня, – вздохнула Левина. – Мне очень жаль. – Ей действительно было очень жаль, что она сорвалась. Она терпеть не могла ссориться с мужем, ведь им так редко доводится бывать вместе.

– И все же меня беспокоит... – Георг умолк, поднял руку ко лбу. – Боюсь, что твоя дружба с этим семейством навлечет на нас беду.

– Георг, я не из тех друзей, кто рядом, только когда все хорошо. Я не брошу Фрэнсис. Она всегда была добра ко мне. – Левина подумала о том, как мало мужчины понимают в женской дружбе. – И потом, сейчас королева к ней благоволит. – Она понимала и то, что говорит неискренне, но ничего не могла поделать. Она сама поймала себя в ловушку и не могла из нее выбраться.

– Королева и леди Джейн любила, ты сама говорила, но ее любовь не помешала ей...

– Довольно! – прервала мужа Левина, поднимая руку, как будто воздвигая между ними невидимую стену. Она чувствовала, как в ней снова просыпается гнев. И все-таки Георг был прав.

– Вина, я боюсь п-п-п... П-п-п-последствий этого брака.

Ей показалось, прошла целая вечность, прежде чем ему удалось договорить слово до конца. Его заикание больше не раздражало Левину. Она так давно свыклась с его недостатком, что почти не замечала его, но ее гнев относился к смыслу сказанного.

Он имел в виду королеву и испанского принца Фелипе. Не только Георг боялся католиков; многие из тех, кто хранил верность Реформации, уже бежали за границу, где можно свободно исповедовать свою веру.

– Если ты боишься, если тебе не хватает мужества, тогда возвращайся в Брюгге. – Левина в ужасе зажала рот рукой, в который раз проклиная себя за острый язык. – Я вовсе не хотела... Я поступила несправедливо!

Она зашла ему за спину и стала массировать ему плечи. Георг был напряжен, скован, и они какое-то время молчали. Наконец он произнес:

– Мы с тобой живем хорошо, правда, В-в-в...

– Да, Георг, – тихо ответила Левина.

– Тебе холодно? – спросил он.

Она кивнула. Вечер принес с собой сырость и холод.

– Наверное, сейчас королева уже вышла замуж, – заметил он, собираясь растопить камин. – Одному Богу известно, какие за этим последуют перемены. Боюсь, начнут жечь еретиков. Сегодня утром в Смитфилде была потасовка... Хуже обычного. – Он сутулится над трутницей.

– Католики и реформаторы? – уточнила Левина, хотя вопросы излишни – одно и то же повторяется снова и снова. Почти каждый день вспыхивали драки из-за религиозных противоречий.

– Боннер ударил человека за недостаточное почитание Святых Даров. С того и началось.

– Епископ Боннер... – Левина живо представила его: одутловатый, круглолицый, похожий на мальчишку. Внешний облик не сочетался с его зверской жестокостью. – Вот кто первым попадет в ад! – Теперь ей казалось, что время правления молодого короля Эдуарда, когда они могли открыто исповедовать свою веру, было давным-давно; Англию сотрясали распри после резкого возвращения в католичество при новой королеве.

– Вина, у нас в доме есть что-либо, способное нас выдать?

– Несколько памфлетов. Библия. – Георг никогда особенно не интересовался религиозными вопросами, зато Левина поняла, что новая вера накрепко вошла в нее, сцементировала, как яйцо – раствор. Она прекрасно знала, что Библию на английском языке хранить опасно. – Главное, чтобы все видели: мы ходим к мессе и почитаем Святые Дары... – Левина порылась в груди книг, разыскивая памфлет, который ей позавчера передали на рынке. – Вот! – Она протянула ему находку.

– Выглядит вполне безобидно. – Георг пролистал тонкую брошюру и швырнул ее в огонь. – И все-таки трудно сказать заранее...

– Да... – Левина кинула следом еще один памфлет, который служил закладкой в одном из ее анатомических атласов. За последние годы они видели много перемен и понимали, как важно соблюдать осторожность. – Но уж здесь никакого вреда нет, правда? – Она раскрыла атлас на рисунке вскрытого трупа. – Или, может быть, они и это сочтут нечестивым?

– Вина, в тот день, когда они сочтут такие рисунки ересью, мы вернемся в Брюгге. – Георг пылко обнял ее. – А твоя Библия?

– Георг, неужели ты собираешься сжечь ее?

– Пусть лучше сгорит она, чем ты.

– Не может быть! – Левине не верилось, что муж предложил такое. – Это ведь Слово Божье!

– Ну и что? – сказал он. – Господь нас простит. Повод достаточно веский.

– Георг, ты заходишь слишком далеко!

– Тогда отдай Библию мне, и я спрячу ее подальше от дома. Закопаю где-нибудь в надежном месте.

– Неужели правда все зашло так далеко? – ужаснулась Левина.

– Пока еще нет, но пойдет.

Она достала Библию из деревянной шкатулки. Перед тем как отдать ее мужу, поцеловала ее. Неожиданно ей стало легче. Ее охраняет предусмотрительность мужа. Левина понимала, что Георг, Маркус и она – сильнее вместе, чем по отдельности. Она подумала о Фрэнсис, которая вынуждена без защиты существовать во враждебном окружении при королевском дворе. Ей приходится думать о том, как оградить своих дочерей от беды. Нет ничего удивительного в том, что она собирается выйти замуж за своего конюшего.

– Я так люблю тебя, Георг! – воскликнула Левина.

– Знаю, – ответил он.

Уайтхолл, ноябрь 1554 г.

Мэри

Рука королевы похожа на птичью лапу. Она сжала мне плечо, и я напрягла все силы, чтобы не сбросить ее. Второй рукой она круговыми движениями гладила себя по животу, чтобы никто не забывал о том, что она ждет ребенка. Она лучилась радостью, она была счастлива и не сводила влюбленного взгляда с мужа.

Я спрятала свою ненависть к ней за улыбкой. Моя ненависть похожа на демона. Я по-прежнему ее ручная обезьянка, прибегаю к ней по первому ее зову, чтобы растереть ее больные руки, читать ей, выполнять мелкие поручения. Похоже, она уже забыла о том, что убила мою сестру. Я часто думала, не мучает ли ее совесть; как она может жить после того, что совершила?! Ей кажется, что она совершила богоугодное дело. Я не желаю верить в Бога, которого радуют подобные вещи. Но на молитве я послушно перебираю четки. Ведь я, Мэри Грей, – золотая девочка.

Рядом с королевой ее испанец. Одеревенелый, неловкий, он отшатывался от нее, как другие обычно отшатываются от меня, если их усаживают рядом, – уж мне ли не знать, как проявляется отвращение! Она трогает его за рукав, и он морщится. Понятно, что она не оправдала его ожиданий, хотя сама она, похоже, этого не замечает. На лице Фелипе такое же выражение, какое появляется на лице Кэтрин, когда ей предлагают подарок, который ей не нравится, но она должна притворяться довольной. Теперь, когда испанец красуется рядом с королевой, надменный и неприступный, чернь им вполне довольна – он действительно выглядит по-королевски. Внешность оказывает большое влияние на людей; уж мне ли не знать!

Мы стояли на трибуне арены для турниров Уайтхолла; все собрались, чтобы посмотреть какую-то испанскую забаву, которую собираются показать наши гости. Последние месяцы я наблюдала за англичанами, которые изо всех сил старались делать вид, будто ничто испанское не производит на них особого впечатления. Сегодняшний день не стал исключением. Молодые иноземные аристократы группками скакали по арене, изображая битву, и размахивали рапирами, но на них почти никто не смотрел. Небо затянули облака, было холодно и сыро, моросил мелкий дождь, который угрожал перейти в ливень. Мы кутались в меховые шубы, прячась под навесом, защищенные от дождя, а испанцы на арене дрожали от холода. Должно быть, им не терпится вернуться на родину, где светит солнце.

Англичане им не понравились; они то и дело жаловались. Им не нравилась наша погода, наша еда и наши девушки. По мнению испанцев, мы не умеем наряжаться, слишком бойкие и некрасивые. Правда, все они, как голодные псы на мясо, глазели на мою сестру и Джейн Дормер. Фериа, ближайший соратник короля, который демонстрировал самые лучшие среди всех испанцев манеры, судя по всему, воспылил страстью к Джейн Дормер. Кэтрин считает, что из Джейн выйдет отличная жена для такого человека, как он, потому что она послушная, добрая и кроткая. Я знаю, что хорошая жена должна быть послушной – во всяком случае, так всегда говорит мистрис Пойнтц, правда не мне, ведь всем известно, что я никогда не выйду замуж. И все же я должна демонстрировать послушание. Оно сглаживает мои недостатки. Интересно, что ждет мою сестру Кэтрин, ведь она никого не слушается!

Фелипе что-то зашептал королеве так тихо, что ничего не слышу даже я, хотя и сижу у нее на коленях. Продолжая шептать, он то и дело косился на меня, и рот у него кривился от отвращения.

– Мэри, милочка, у нас болят колени. Пожалуйста, слезь и сядь рядом, – сказала королева, словно извиняясь.

Она и не догадывалась, как мне не нравится сидеть у нее на коленях – и какую жгучую ненависть я питаю к ней самой. Она попросила Джейн Дормер подвинуться и освободить для меня место рядом с ней, но ее муж снова что-то зашептал ей на ухо. Джейн Дормер снова села рядом с королевой, и мне пришлось сесть по другую сторону от Джейн, рядом с Магдален Дакр – теперь я далеко, и испанец может делать вид, будто меня не существует. Магдален скорчила гримасу и, отвернувшись от меня, отодвинулась на скамейке как можно дальше. Она зашептала что-то на ухо кузине Маргарет; та прыснула со смеху. Я притворилась, будто мне все равно. Хотя я привыкла к плохому обращению, мне далеко не все равно, как ко мне относятся; просто я не позволяю себе об этом думать.

Я посмотрела на то место, где еще недавно сидела моя сестра, но она незаметно ускользнула. Я огляделась по сторонам и заметила ее алое платье за высокой живой изгородью. Оказывается, она отправилась в аптекарский огород – скорее всего, чтобы обниматься с молодым Гербертом. С полдюжины конных испанцев, среди них Фериа, галопом вырвались на арену под приветственные крики толпы. Король встал и несколько раз хлопнул поднятыми над головой руками. Кое-кто из зрителей последовал его примеру, но аплодисменты были довольно жидкие. Всадники были одеты как будто для битвы – в нагрудниках и сапогах, в странных шапочках с перьями и просторных черных плащах. Они старательно забрасывали длинные полы на плечи – крест-накрест. Вместо копий у них длинные палки. Кто-то крикнул:

– Что это за оружие!

В толпе раздался смех, хотя я и не понимаю, что здесь смешного. Пусть у них нет оружия, зато их лошади красиво разубраны, начищены, как полированное дерево, горделиво выгибают шеи, раздувают ноздри, бьют копытами. А сбруя у них блестит, как драгоценности королевы.

Кони шли рысью, строем, мотали головами, высоко поднимали передние ноги и махали хвостами, а всадники перебрасывались палками, ловко подхватывая их в воздухе.

– Вы больше ни на что не способны? – крикнул кто-то из зрителей.

– Я не знаю этого танца, – вторил ему другой визгливым голосом, изображая женщину. Его реплика вызвала хохот.

Фелипе стиснул зубы и постучал по подлокотнику кресла ногтем большого пальца – тук-тук-тук. Мы все молчали. Из толпы доносились колкости и свист. Тук-тук-тук. Королева взяла мужа за руку. Он вырвал ее. Она что-то бормотала о том, что зрелище изумительное. В ответ он фыркнул и отвернулся от нее. Приближенные королевы, Сьюзен Кларенси и Фрайдсуайд Стерли, сидящие позади нас, начали хлопать, притворяясь заинтересованными. Король обернулся к ним и бросил на них такой взгляд, что они замерли. Королева растирала живот. Одна из лошадей, гнедой мерин, встала на дыбы, едва не сбросив всадника; шапочка с пером слетела с его головы.

Над этим засмеялся даже король, но тут кто-то из толпы крикнул:

– Дама потеряла шляпку?

Фелипе снова стиснул зубы, а его глаза метали молнии.

Я давно перестала следить за тем, что делают на арене испанцы. Мой взгляд был прикован к сцене в отдалении, в аптекарском огороде. Там моя сестра. Отец Гарри Герберта, граф Пембрук, схватил сына за воротник. Кэтрин рядом с ними; рядом с Пембруком она казалась маленькой, как кукла. Судя по наклону ее головы, она о чем-то просила его. Я мысленно попросила ее придержать язык, потому что прекрасно знаю, что Кэтрин из тех, кто сначала говорит и только потом думает, но она, по-моему, не может остановиться.

По-прежнему одной рукой держа сына за ворот, Пембрук размахнулся и со всей силы ударил Кэтрин по лицу. Она упала на землю; ее алые юбки отчетливо видны на зеленой траве. Я не верю собственным глазам: этот великан, который увел сына, посмел влечь пощечину моей сестре! Потом он наверняка скажет, что она сама напросилась, но для его поведения нет оправданий.

Я спросила себя, что бы сейчас сделала Джейн, однако знала ответ еще до того, как мысленно задала вопрос. Я попросила у королевы разрешения отлучиться и заковыляла вниз с трибуны. Тревожить Матап сейчас нельзя. Я понимала: если я привлеку внимание к той сцене, все будет только хуже. Доброе имя сестры и так под угрозой.

Дождь пошел сильнее; к тому времени, как я нашла сестру, мое платье намокло и отяжелело. Она так и сидела на земле, и ее красное платье потемнело, промокнув насквозь. Кэтрин дрожала всем телом; она безудержно рыдала.

– Полно, Китти. – Я старалась казаться старше, чем есть на самом деле, старалась представить, что бы на моем месте сказала Джейн. – Пойдем скорее, тебе надо переодеться в сухое, не то ты заболеешь и умрешь.

Чепец упал у нее с головы; светлые пряди облепили лицо. На щеке у нее багровая отметина, отпечаток мужской руки. Она все еще рыдала, у нее дрожали плечи, и только сейчас я заметила, что ее корсет расшнурован и ей приходится придерживать платье обеими руками, чтобы оно не упало.

Она позволила мне зашнуровать ее и молча побрела за мной в покои Marxian, которые находятся довольно далеко от арены для турниров. Мое платье так промокло, что мне было трудно идти. К тому времени, как мы вошли внутрь, выпачкались в грязи с ног до головы. Нас бурно приветствовали два пса Кэтрин; она присела на корточки и ласково заговорила со своими любимцами. На какое-то время она как будто забыла о своем горе.

– Стэн, Стим, где остальные?

– Матап отправила их на конюшню: щенки грызут гобелены.

– И Геркулеса тоже?

– Да, и твою обезьянку тоже, – кивнула я.

Домашние питомцы сестры вызывали в ней прилив нежности. Иногда мне казалось, что любовь настолько переполняет ее, что она не знает, что делать со своими чувствами, и изливает их на своих питомцев. Интересно, что значит быть переполненной любовью? Мне подобное чувство незнакомо. Я стараюсь не показывать своих эмоций. Правда, это не значит, что я бесчувственная.

Я позвала судомойку; она принесла ведро горящих углей, чтобы разжечь камин. Мы сняли мокрые платья и стали греться у камина. На Кэтрин была лучшая шелковая ночная сорочка Матап и ее красивая шаль, а я завернулась в шерстяное одеяло. Мы по очереди пили горячий пунш маленькими глотками, чтобы не обжечь губы.

– Ты должна оставить его в покое, – сказала я.

– Но ведь он мой муж! – фыркнула Кэтрин.

– Нет, Китти. Ты ни за что не победишь. – Я знаю, что замужество Кэтрин было частью заговора Нортгумберленда, ведь ее выдали замуж в один день с Джейн.

– Но мы любим друг друга!

– Это не имеет никакого значения, – возразила я.

Лицо сестры распухло от слез.

– Пембрук сказал, что я запятнана изменой отца и сестры, и он не допустит, чтобы на его сына тоже падала тень.

Я не знала, как ее утешить. Прояснился еще кусок семейной истории. Должно быть, Пембрук переметнулся на другую сторону, спасая свою шкуру, после того как Мария низложила Джейн. Мы – свидетели его измены, поэтому сейчас он не желает иметь с Греями ничего общего.

– Отцу, по крайней мере, хватило мужества умереть за свои убеждения, – продолжила Кэтрин, вытирая нос рукавом.

Я совсем не уверена в том, что отец таков, каким его считает Кэтрин. Он примкнул к мятежникам, и его схватили, когда он пытался бежать, так сказала Матап. Но я не стану повто-

рять ее слова, чтобы не лишать сестру последнего утешения, ведь она боготворила отца. Я вспомнила, что еще говорила Маман: только страх быть обвиненной в государственной измене способен помешать Кэтрин втянуть себя в заговор с целью оказаться на престоле.

– Положение королевы непрочно, *chérie*, – говорила Маман. – И многие реформаторы мечтают ее свергнуть.

Впрочем, по-моему, Кэтрин не думала ни о престоле, ни об окружающей нас опасности. Сейчас ее занимала только ее любовь, а для всего остального в душе просто не осталось места. Наверное, у всех нас свои способы забывать о действительности, не смотреть правде в глаза.

Маман пыталась найти выход с помощью брака. «Он уберезет нас от гибели», – твердила она нам. Но никакой свадьбы пока не будет, ведь прошло слишком мало времени. Кроме того, королеве не хочется выпускать нас из виду. Елизавету она отправила в Вудсток в надежде, что о ней все забудут. Но забыть Елизавету невозможно; все перешептываются о ней, что хорошо для нас. До тех пор, пока внимание реформаторов обращено на Елизавету, мы, Греи, отступаем на второй план – во всяком случае, так считала Маман.

– Китти, мы должны одеться, ведь они все скоро вернутся. – Я старалась отвлечь ее. – Что ты наденешь? Синее платье? Оно так тебе идет!

Мы помогли друг другу переодеться в чистые сорочки и нижние юбки; зашнуровали друг другу корсажи, подкололи рукава, заплели косы и подоткнули волосы под чепцы. Мне нравилось, когда Кэтрин помогала мне одеваться, потому что она привыкла к особенностям моей фигуры и старалась как можно меньше меня дергать. Даже милая Пегги Уиллоби, когда помогала мне одеться, не скрывала любопытства, и я чувствовала, сколько сил ей приходится прилагать к тому, чтобы не глазеть на мой горб.

– А кузина Маргарет выходит замуж, – неожиданно объявила Кэтрин, как будто говорила сама с собой. Я уже слышала о помолвке Маргарет Клиффорд, но не хотела ничего говорить, чтобы не расстраивать сестру. – За Генри Стэнли, лорда Стрейнджа... в самом деле, странный выбор. – Она фыркнула. – Он вечно дает волю рукам! То-то она обрадуется...

Я молчала; когда Кэтрин садилась на любимого конька, лучше держать язык за зубами.

– А Маман! – Сестра ударила себя кулаком по колену, и остатки пунша выплеснулись на пол. Стэн и Стим поспешили вылизать лужицу. – Ну что она нашла в этом Стоуксе?! Да кто он вообще такой?

– Добрый человек, – ответила я и сразу пожалела о своих словах, потому что они лишь раззадоривали сестру.

– Добрый, – повторила она, как будто у этого слова горький вкус. – Он ведь даже не... – Она не договорила.

– Китти, лучше смирись, ведь они поженятся независимо от того, за ты или против. И потом, последние дни Маман выглядит более счастливой. Тебе так не кажется?

– Подумаешь! – Кэтрин втащила Стэна себе на колени, прижала его морду к своему лицу и заговорила с ним, как с младенцем: – Тебе это тоже не нравится, да, Стэнни?

Я встала и подошла к окну.

– Дождь кончился. – Я со скрипом провела пальцем по запотевшему стеклу.

– А еще, – продолжила Кэтрин, – граф Фериа... ты ведь его видела, Мышка, да? Тот симпатичный испанец... Так вот, он положил глаз на Джейн Дормер. Правда, она делает вид, будто не замечает его... Все только и мечтают жениться на Джейн Дормер! Томас Говард постоянно грезит о ней. – Она стряхнула с плеч платье, которое упало на пол, выбрала другое, надела его, разглаживая юбки. Потом взяла одно из ожерелий Маман, надела на шею, застегнула, посмотрела на свое отражение в зеркале, вертя головой то туда, то сюда, поджала губы и со вздохом сказала: – Все фрейлины королевы выйдут замуж, и только я останусь старой девой!

– Тебе всего пятнадцать лет. Тебя трудно назвать старой девой. И потом, ты не останешься одна: рядом с тобой буду я, ведь я никогда не выйду замуж.

– Прости, Мышка, – спохватилась она, сталкивая Стэна на пол и подбегая к окну. Она села на подоконник, и мы стали с ней вровень. Она протянула мне мизинец в знак примирения: – Я не подумала; я была недоброй, потому что думала только о своих горестях, в то время как... – Она не договорила, но имела в виду: в то время как я так уродлива, что никогда никому не понравлюсь.

Кэтрин сняла с пальца обручальное кольцо.

– Вот... – Она мягко взяла меня за руку и надела мне кольцо на средний палец. – У тебя красивые руки и красивое лицо; пусть фигурой ты не вышла, зато ты очень умна; и пусть у тебя горб, зато ты добрая и хорошая. – Она умолкла, и я увидела, что слезы снова собираются в уголках ее глаз. – Вот я – не добрая и не хорошая. Ты стоишь дюжины таких, как я.

Когда сестра так говорит, мне хочется плакать. Обычно я сдерживаю слезы, но нежность сестры размягчает меня изнутри.

– И потом, – продолжила она, – вспомни Клод, которая однажды была королевой Франции. Разве ты о ней не слышала? Она была горбунья, как ты, но все же вышла замуж за короля Франциска... да к тому же она была кривой на один глаз!

Я кивнула и вздохнула, собираясь с мыслями. Я не уверена, что хочу знать о Клод, королеве Франции, потому что история о королеве-горбунье как-то нарушает мое равновесие в изуродованном теле.

– Что с ней случилось? – спросила я.

– Не знаю, – ответила Кэтрин. – Но она стала матерью следующего короля Франции, и в честь нее назвали сорт сливы – ренклюд.

– Сливы-венгерки, – повторяю я, думая о том, насколько слива простой плод. – Интересно, что можно назвать в мою честь? Может быть, крыжовник? Я ведь такая же кислая и колючая.

– Мышка! Ты не такая!

Но мне кажется, что я именно такая.

– У тебя красивые глаза. Так что ничего еще не потеряно. Кроме того, в тебе течет королевская кровь, как в королеве Клод, поэтому... – Кэтрин умолкла и раскинула руки в стороны, словно желая показать, что весь мир принадлежит мне.

– Да, Китти, – сказала я, только чтобы угодить ей. Мне снова пришлось проглотить обиду. – В нас обеих течет королевская кровь. – Мои слова вызвали у нее улыбку, а когда она улыбается, мне кажется, что выходит солнце. Мы услышали шаги – люди возвращались с арены для турниров. – Слышишь, все идут на ужин. Нам лучше тоже пойти, пока нас не хватились.

Мы пошли, держась мизинцами, в большой зал, где были накрыты столы. Люди прибывали. Кэтрин вертела головой, ища взглядом Гарри Герберта. Его отец здесь, а его самого нет; я почувствовала, как Кэтрин сжимается. Она расстроена. Магхан стоит у возвышения; она поманила нас к себе. На возвышении сидят король и королева. Я вздохнула, и Кэтрин помогла мне подняться, потому что ступеньки слишком высоки для меня. Мы присели перед их величествами; все заметили, что мы переоделись, тогда как остальные пришли в том, в чем были на поединке. Фелипе отошел туда, где собрались его соотечественники, и королева хлопнула себя по коленям, веля мне сесть на них. Мне снова пришлось изображать ее ручную обезьянку.

Смитфилд/Уайтхолл, февраль 1555 г.

Левина

Лошадь Левины пробиралась в толпе. Женщина радовалась, что ее сопровождает грум, потому что в воздухе пахло насилием. Они ехали как бы против течения, потому что толпа двигалась к Смитфилду, где только что Левина получила новые краски у своего поставщика. Его лавка была втиснута за церковью Святого Варфоломея. Левина спешила в Уайтхолл; ей будет позировать сам кардинал. Она боялась опоздать и опозориться, но толпа делалась все плотнее, а люди беспокойнее. Чуть раньше, проезжая через рыночную площадь, Левина видела посередине столб. Скоро еще одного несчастного привяжут к столбу и сожгут на костре. Такая судьба уготована пребендарию собора Святого Павла – он не захотел отречься от своих убеждений. Левина несколько раз видела его в городе, и он всегда казался ей человеком благоразумным; кроме того, его отличала мягкость в обращении. Она старалась гнать от себя мысль о том, что сожжения начались так скоро после возвращения кардинала из долгой римской ссылки и восстановления старых законов о еретиках.

Поднялся шум, и ее конь испугался, встал на дыбы; копытами он едва не ударил по голове какого-то прохожего.

– Усмирите свою зверюгу! – крикнул тот, грозя кулаком и скалясь, как дворняжка.

Левина боролась с непокорным конем, но тот все больше пугался криков и шума. Она вздохнула с облегчением, когда грум взял ее коня под уздцы, что-то шепнул ему на ухо и утешил его.

На площади снова поднимался шум.

– О боже! – вскрикнула Левина.

Должно быть, привезли приговоренного. Она надеялась избежать страшного зрелища, но они застряли в толпе, а народ все прибывал, чтобы поглазеть на казнь. Она молилась, чтобы все поскорее закончилось, и радовалась сильному ветру – костер разгорится быстро. Левина надеялась, что кто-нибудь додумался передать бедняге мешочек с селитрой, чтобы он быстрее отправился на тот свет. Сердце у нее сжалось – славный человек не должен умирать такой страшной смертью... Она еще никогда не присутствовала при сожжении и не испытывала такого.

Она оглянулась – проверить, где Герой. Пес был рядом; он прижал уши к голове и закатил глаза. Даже Герой понимал, что затевается что-то плохое, что на площади собралась не просто грубая толпа, как обычно. Пес чувствовал кровожадность зрителей. Левина услышала мучительный визг; к небу поднимался клуб дыма. Она пожалела, что обернулась. Ветер дул в их сторону; от дыма слезились глаза. Она слышала жуткие вопли, от которых сжималось сердце. Потом она почувствовала тошнотворный запах горелой плоти; рот Левины непроизвольно наполнился слюной. Злясь на себя, она зажмурила слезящиеся глаза, зажала нос и рот платком. К счастью, толпа уже поредела и они могли двигаться быстрее.

Кардинал Поул сидел перед Левиной, сложив руки на коленях. За весь сеанс он не произнес ни слова; художница для него словно и не существовала. Может быть, кардиналу не нравилось позировать женщине. Но поскольку портрет заказала сама королева, у него не было выбора. Он избегал встречаться с Левиной взглядом. Его карие глаза под тяжелыми веками казались добрыми, но Левина не сомневалась, что это впечатление обманчиво. Она не могла забыть ужасный запах горелой плоти, им словно пропиталась ее одежда; она боялась, что никогда не смоет его и будет проклята, будет вечно слышать мучительные предсмертные вопли несчастного.

На следующей неделе та же судьба постигнет еще пятерых узников, и это только начало. Арестован архиепископ Кранмер. Наверняка из его казни постараются сделать яркое зрелище – казнят того, кто аннулировал брак Генриха Восьмого и Екатерины Арагонской, матери нынешней королевы, сделав Марию Тюдор незаконнорожденной. Теперь королева мстит. Левина задавалась вопросом, насколько повинен в происходящем человек, чей портрет она пишет, а король, а королева? Левина вынуждена ежедневно ходить к мессе, даже когда она не при дворе, а дома, потому что за ней наверняка следят: у епископа Боннера повсюду есть соглядатаи. Георг правильно сделал, что избавился от ее Библии на английском языке.

Она отложила кисть и внимательно посмотрела на кардинала, замечая игру света на его перстне. Она рассеянно протянула руку и погладила Героя по голове. У Поула пышная борода, из-за которой трудно понять выражение его лица. Левина пыталась разгадать, что выражают его глаза, которые не желали смотреть на нее. Тогда она сосредоточилась на его алой мантии, растирала киноварь, внимательно глядя на сочетание алого и белого цветов, наблюдая за игрой света и тени, за складками, которые в тени приобретают цвет почти кровавый.

Она разбила яйцо, вылила белок в чашу. Желток покатала между ладонями, чтобы он немного подсох, тогда текстура получится гуще. Затем ножом надрезала мембрану желтка, вылила его в пигмент и стала энергично размешивать, пока краска не достигла нужной консистенции. Она снова посмотрела на мантию кардинала и добавила несколько гран кадмия. Последнее время она редко писала яичной темперой, но этот портрет, эта алая мантия требовали только ее. В ушах эхом отдавался отцовский голос: «Краска не выцветет и через тысячу лет». Он не раз говорил так о темпере.

Левина начала писать мелкими штрихами крест-накрест. Кардинал глубоко вздохнул, поерзал в кресле. Складки мантии ложились немного по-другому, что раздражало Левину: теперь нужно снова менять цвет. Позавчера, по пути к торговцу веленовой бумагой в Чипсайде, она видела на виселице дохлую кошку, одетую в красную кардинальскую мантию. После шести полных лет Реформации при юном короле Эдуарде трудно было ожидать, что возвращение англичан в католичество пройдет гладко! Народ оказался вовсе не так податлив. Левину охватывал ужас. Она все больше соглашалась с теми, кто считал, что вместе с испанцем – мужем королевы – на этот берег Ла-Манша перекинулась инквизиция. Над Лондоном навис липкий страх; кажется, его можно было пощупать рукой. Интересно, не жалеют ли те, кто в свое время, когда еще можно было выбирать, оказал предпочтение Марии Тюдор? Не жалеют ли они о том дне, когда отвергли Джейн Грей?

Англичане искали варианты; они боялись, что станут придатком католической Испании. Многие шепотом произносили имена Елизаветы и Катерины Грей. Кое-кто охотно усадил бы на престол ту или другую. Не было ничего удивительного в том, что Фрэнсис сама не своя от беспокойства, и Левина жалела о том, что почти ничем не может помочь подруге. Фелипе собирался выдать Елизавету за герцога Савойского, своего кузена, и отправить ее с глаз долой, на континент. Но Елизавета упорно сопротивлялась; судя по всему, ее воля сильнее, чем объединенная воля всех членов Тайного совета. Так что пока ее заперли в Вудстоке, подальше от греха. Там она находилась под пристальным надзором. Чем дольше Елизавета не замужем и находится по эту сторону Ла-Манша, тем меньше опасность для Кэтрин. Кроме того, Греев еще может спасти наследник-католик, которого вынашивала королева, особенно если у нее родится мальчик. Левина мысленно отсчитывала: после свадьбы прошло полных шесть месяцев – значит, роды уже скоро. Она отодвинула плоску с алой краской и вытерла кисть о тряпку.

Руки кардинала были сжаты в кулаки; костяшки пальцев желтые, словно орехи без скорлупы. Левина снова посмотрела ему в глаза, которые тот старательно отводил в сторону, лишь бы не встречаться с ней взглядом. Что скрыто за его бородой, за узкими розовыми губами? Она взяла самую тонкую кисть и начала прорисовывать густые каштановые волосы, в которых попадались пряди стального цвета. Она пыталась обрести истину в мелочах. Она мечтала о

свободном стиле, позволяющем дать более полное представление об антураже или о самом натурщике. Это лучше, чем добиваться полного портретного сходства. Об этом они часто спорили с отцом. Иногда, как бы портрет ни был похож, никак не удавалось ухватить суть человека – какую-то черту, деталь. По мнению Левины, добиваясь полного сходства, необходимо уловить не только то, что видно невооруженным глазом, но и то, что скрыто. Свет неожиданно исчез, она посмотрела на окно: в небе нависли дождевые облака, и кардинальская мантия как будто полиняла, а лицо приобретало неприятный сероватый оттенок. Неожиданно для себя она подумала: хорошо, что дождь пошел не с утра, иначе бедняге на костре пришлось бы еще дольше мучиться в ожидании смерти – сырые дрова разгораются медленно. Она удивлялась своим мыслям. В том, что случилось с беднягой, нет ничего хорошего, да и о том, что ему было бы легче, тоже говорить не приходится.

– Ваше высокопреосвященство, к сожалению, уже стемнело, – обратилась она к кардиналу. – Позвольте испросить у вас завтра еще час вашего драгоценного времени!

Он наконец посмотрел на нее и склонился вперед.

– Покажите, – потребовал он.

Обычно Левина не показывала натурщикам неоконченную работу, если только они не ее хорошие знакомые, но как откажешь кардиналу? Она сняла портрет с мольберта. Он совсем невелик. Осторожно держа картину за края, чтобы не размазать краску, она поднесла ее поближе. Кардинал вытянул шею.

– Ближе! – Он разговаривал с ней так, словно отдавал команды собаке.

Левина шагнула к нему; приближаясь, она почувствовала запах благовоний, которыми, видимо, пропитана его одежда, и отчетливо увидела, какое мрачное у него лицо. Некоторое время кардинал разглядывал свой портрет. Он как будто был доволен. Левина вздохнула с облегчением, ведь она вовсе не пыталась ему польстить, как некоторым. Потом он указал пальцем на тщательно прорисованную бороду.

– Какая точность! – пробормотал он себе под нос. Он задел краску и размазал все волоски, которые Левина так старательно прорисовывала весь последний час. У него на пальце осталось рыжее пятно. – О... я не... – Судя по всему, извиняться он не умел, хотя собственная неуклюжесть его смутила. Какое-то время он казался самым обыкновенным неуклюжим стариком, и Левина подумала: может быть, в его глазах она все-таки разглядела доброту... или нечто подобное.

– Не волнуйтесь, ваше высокопреосвященство, я все восстановлю. – Левина протянула ему тряпку, чтобы он вытер руку. Теперь он не сможет отказаться еще от одного сеанса.

Она протерла кисти тряпкой, откупорила флакон со спиртом. Она почувствовала резь в глазах; едкий запах заполнил комнату. Краем глаза она следила за кардиналом. Тот щелкнул пальцами, подзывая пажа. Ей хотелось подловить его в тот момент, когда он думал, что за ним не наблюдают, попытаться чуть больше узнать о человеке через небольшую трещинку в его внешнем лоске. Когда мальчик помогал ему встать, Левине показалось, что подагрические колени кардинала поскрипывают, как разошедшиеся петли старой двери. Они вместе вышли из комнаты – кардинал тяжело опирался на плечо пажа. Когда они проходили мимо, Левина присела в глубоком книксене. К ее удивлению, кардинал, еле заметно улыбнувшись, сказал:

– Миссис Теерлинк, у вас большой дар. Ваш талант – признак того, что Господь к вам благоволит.

– Благодарю за добрые слова, ваше высокопреосвященство.

Левина заметила, что кардинал одобрительно посмотрел на четки, висящие у нее на поясе. Четки старые, достались ей на память от бабушки; деревянные бусины истерлись от частого применения. Наверное, он подумал, что это признак ее религиозного рвения – последнее время все старательно его демонстрировали.

– Возможно, королева возьмет вас в свою свиту.

– Ваше высокопреосвященство, подобная честь не для меня – я недостаточно благородного происхождения.

– Недостаточно благородного... – задумчиво повторил он. – Немного найдется благородных дам, обладающих столь изысканными манерами... – Он ненадолго умолк, бегло посмотрел на нее и добавил: – Ей нужны рядом такие, как вы.

С этими словами он наклонился, чтобы потрепать Героя по голове; Левина невольно потеплела. Затем кардинал ушел, по-прежнему опираясь на плечо паж, а Левина гадала, как бы отнесся к ней кардинал, если бы узнал о ее близкой дружбе с Греями. Но, может быть, теперь, когда Греи почти полностью уничтожены, а Фрэнсис и девочки убедительно демонстрировали свое возвращение в лоно католической церкви, такая дружба уже не считается позорным пятном?

После ухода кардинала в дверь бочком протиснулась Кэтрин Грей. Глаза у нее покраснели, веки распухли; в кулаке она сжимала платок. Левина уже заметила, что в последнее время девушка часто плачет из-за сына Пембрука. Она старалась вспомнить, каково это – плакать по утраченной любви, но ей трудно было поставить себя на место Кэтрин – она никогда не предавалась бурным страстям. Зато стоящая перед ней девушка одержима ими.

– Чем я могу вам помочь, Кэтрин? – спросила Левина.

– Кардинал. – Кэтрин посмотрела на портрет. – Он получился таким угрюмым!

– Разве вы не находите его угрюмым?

– Да, наверное. Должно быть, он все время молится. – Кэтрин взяла со стола кувшинчик с краской, откупила его и поднесла к свету: – Как называется эта краска?

– Свинцово-желтая, – ответила Левина.

– Она как лимон... Веселый цвет! – Кэтрин поморщилась.

– Подойдите сюда, Кэтрин. – Левина протянула руки, и Кэтрин позволила себя обнять. – Будут и другие, – прошептала художница, глядя девушку по голове.

– Но мое сердце разбито! Я как те девы в стихах, которые разрываются пополам.

Левине хотелось сказать, что все пройдет, что она еще вспомнит сегодняшний день и подумает: какие пустяки... Но она понимала, что Кэтрин ей не поверит, потому что сейчас ее одолевают страсти. Поэтому она молча обняла ее. Наконец Кэтрин вспомнила, зачем пришла:

– Вас спрашивала Мамап.

Фрэнсис в своих покоях совещалась с портнихой; они рассматривали несколько штук ткани, которые стояли в ряд у стены.

– Вина, ma chère! – Фрэнсис приветливо улыбнулась. – Как я рада вас видеть. Никто лучше вас не разбирается в цветах. Мэри нужно новое платье на свадьбу кузины Маргарет.

Левина заметила, как при упоминании свадьбы помрачнела Кэтрин – неудивительно, если вспомнить, как жестоко ее разлучили с молодым мужем. Фрэнсис протянула темно-синюю парчу и темно-желтый шелк:

– Как по-вашему, они сочетаются?

– По-моему, вместе они выглядят довольно скучно; темно-желтый гармонирует вот с чем. – Левина указала на штуку синего бархата. – Он лучше пойдет к ее лицу.

– Вы правы, как всегда правы! – Фрэнсис повернулась к портнихе и приказала изготовить лиф из шелка, а платье с высоким воротом – из бархата, дала подробные указания, как лучше замаскировать искривленную спину Мэри при помощи выточек на спине и жесткого высокого ворота. Кроме того, необходимо крахмальное полужабо, которое скроет горб. – Вам придется заново снять с нее мерки, но сейчас она у королевы, и я не знаю, когда у нее появится свободное время. Вот, возьмите. – Она протянула портнихе старое платье Мэри.

– Подумать только, да ведь оно не больше кукольного! – выпалила портниха – и осеклась, заметив мрачный взгляд Фрэнсис. – Прошу прощения, миледи, я только...

– Да-да, – сухо перебила ее Фрэнсис, нарочно отворачиваясь от портнихи к дочери. – А ты, Кэтрин, разве не должна быть в покоях королевы, *avec ta soeur*?¹³ – Обращаясь к Левине, она предложила: – Давайте прогуляемся, пока миссис Партридж собирает свои вещи. Нам с вами есть о чем поговорить.

Бедная миссис Партридж засуетилась, струсив перед лицом такой твердости и холодности Фрэнсис. Фрэнсис умела внушить страх тем, кто не знал ее как следует; людей устрашало само ее положение, но, по правде говоря, за ее несгибаемой внешностью таились глубокая доброта и преданность; Левина – одна из немногих, кто умел видеть то, что скрыто.

Фрэнсис бросила ей беличью накидку:

– На улице холодно, а в галерее полно подслушивающих ушей. Вина, вы не против?

– Нет, мне и самой хотелось подышать воздухом, – ответила Левина, и они обе закутались в меха.

– *Je reïx imaginer...*¹⁴ Вы рисуете такого человека. Не сомневаюсь, он высасывает воздух из комнаты.

– Верно, – кивнула Левина. – Но мне кажется, в нем скрыто больше, чем заметно глазу.

– Сомневаюсь, – фыркнула Фрэнсис. – Фанатичная преданность вере впечаталась в этих Поулов, как волокна древесины. Похоже, королева к нему расположена, как, по-моему, и должно быть; он ведь вернул Англию в лоно католической церкви.

Она первая вышла черным ходом и стала спускаться по узкой винтовой лестнице, которая вела из ее покоев в восточном крыле. Во двор только что прибыл гонец – он был весь в грязи; прыгнув с коня, он бросил поводья конюху, а затем побежал вверх по лестнице, перемахивая через три ступени. Левина гадала, что за вести он привез; может быть, они связаны с войной, которую Карл ведет с французами. Королю не терпелось обогреть свой меч кровью, но говорят, что он останется в Англии до рождения первенца.

Деревья в саду чернели на фоне февральского неба, похожего на густой суп. Кроты прорыли многочисленные ходы в траве; подругам приходилось то и дело обходить свежерытые земляные холмики. Скоро у Левины промокли подошвы туфель. Они наконец добрались до летнего павильона. С одной стороны он открытый, и оттуда хорошо виден дворец. Наверху голубятня, где в хорошую погоду устраиваются тайные свидания. Там пахнет полевыми цветами, а вместо серенады влюбленные слышат воркование голубей. Сегодня здесь пахло сыростью и немного мочой, хотя и не настолько, чтобы они решили поискать место получше. Они уселись на холодную скамью. На полу зловещая кучка белых перьев – должно быть, какого-то голубя задушила лиса.

– Как же мне не терпится уехать отсюда! – призналась Фрэнсис. – Иногда мне кажется, что стены давят на меня.

Левина посмотрела на подругу. Фрэнсис похудела, побледнела, у нее под глазами были темные круги, похожие на кровоподтеки.

– Когда ваша свадьба?

– Наверное, весной. Прошел год после того, как герцога...

Левина кивнула: прежде чем выходить замуж во второй раз, необходимо выждать приличное время после казни первого мужа.

– Мы обвенчаемся тихо и скромно.

– И вы станете миссис Стоукс. – Левина засмеялась; они обе смеялись, прекрасно понимая: хотя Фрэнсис, выйдя за простолюдина, потеряет положение при дворе, все по-прежнему будут считать ее герцогиней Саффолк, двоюродной сестрой королевы.

¹³ Со своей сестрой (*фр.*).

¹⁴ Здесь: могу себе представить (*фр.*).

– Все думают, что он охотится за моими поместьями, но, по мне, пусть забирает все, что от них осталось, – это совсем небольшая цена за то, чтобы я удалилась от этого folie¹⁵. – Фрэнсис улыбнулась, и Левина подметила в ее лице сходство с Джейн.

– Девочки поедут с вами?

– Вина, как раз о них я хотела с вами поговорить, – ответила Фрэнсис. – Королева сказала, что они обе нужны ей при дворе, особенно Кэтрин.

– Боится еще одного мятежа. – Левина задумчиво покачала головой. – Боится, что протестанты захотят посадить на престол Кэтрин... – Иногда Левина представляла себе Кэтрин в роли королевы, но эта мысль казалась ей нелепой. Правда, самое главное для принцессы – королевская кровь и способность к деторождению.

– Королева сейчас спокойна благодаря тому, что носит под сердцем наследника престола, но все-таки... да, наверное, вы правы. – Фрэнсис то сжимала, то разжимала кулаки, лежащие на коленях. – Она, конечно, ничего подобного не говорит, но причина наверняка в этом.

– И все действительно верят, что Кэтрин вернулась в лоно католицизма?

– Да, grâces à Dieu¹⁶; последнее время все считают нас, Греев, добрыми папистами. Но вы ведь знаете, как обстоят дела на самом деле. – Левина кивнула. Разумеется! – В конце концов она все же позволила мне взять с собой Мэри, – продолжила Фрэнсис. – Угрозы с ее стороны никто не боится, поэтому Мэри поедет со мной в Бомэнор. Ее будут призывать ко двору лишь время от времени. Кэтрин же отведут отдельные покои.

– Значит, ей не придется ночевать в общей спальне для младших фрейлин, под зорким присмотром мистрис Пойнтц. – Левина не знала, хорошо или плохо, что Кэтрин получит определенную свободу.

– Да, конечно. Отдельные покои – большая честь.

– По-моему, это скорее проклятие, чем благословение.

Фрэнсис кивнула.

– Вина, вы присмотрите за ней? Я так волнуюсь, что без меня она наделает глупостей и попадет в беду! Она так порывиста!

– Конечно, я присмотрю за ней. Вы ведь знаете, ваши дочери мне как родные. Постараюсь оберегать Кэтрин как свою дочь.

– Как я волновалась из-за неприятностей с молодым Гербертом! У меня состоялся разговор с Пембруком.

– Ох... – вздохнула Левина. Вряд ли «разговор» с Пембруком был благожелательным.

– Он отослал своего сына прочь. Скоро, как я поняла, он отправится сражаться с французами. Война отвлечет его от Кэтрин. Я должна найти ей другую партию, хотя в наши дни сложно подобрать мужчину, который захочет породниться с Греями.

Левина вспомнила Гарри Герберта; по возрасту он примерно ровесник Маркуса, его еще нельзя назвать мужчиной. Она невольно думала обо всех английских мальчиках, сыновьях придворных, которые готовы сражаться за императора. Иногда она видела их на арене для турниров; они возились, как щенята, смеялись, их свежие лица еще не знали бритвы, их нежные руки и ноги были еще по-детски неуклюжи; они держались развязно, под стать своим новым нарядам. Ей была невыносима мысль о том, что они скоро увидят, как им придется страдать.

– Фрэнсис, я позабочусь о том, чтобы Кэтрин не попала в беду. Обещаю! – В подтверждение она посмотрела подруге в глаза.

– И еще одно. – Фрэнсис понизила голос, хотя в пределах слышимости никого не было. Она достала из рукава свернутый лист и передала Левине. – Вот, прочтите.

– Что это? – Левина развернула письмо и стала читать тщательно написанный текст:

¹⁵ Безумие (фр.).

¹⁶ Благодарение Богу (фр.).

– *«Посылаю тебе, милая сестрица Катерина, книгу, которая, хотя внешне и не расшита золотом, однако внутри ценнее драгоценных камней... – Это письмо Джейн! – Она научит тебя жить; она же научит тебя умирать».* – Левина закрыла глаза, охваченная непрошеными воспоминаниями о том страшном дне: Джейн слепо ищет плаху, алая струя крови... – Ах, Фрэнсис! – Голос у нее задрожал.

– Я скопировала письмо из Нового Завета на греческом, книга принадлежала Джейн... – Помолчав, Фрэнсис продолжила: – Вина, я еще кое-что у вас попрошу, но знайте, пожалуйста, что вы вольны отказаться. Я не стану вас осуждать. Ваша дружба дорога мне.

– Просите, – сказала Левина. – Просите!

– Не могли бы вы как-нибудь переправить письмо в Брюгге? Может быть, спрячете его в посылке для ваших родных. Оттуда его доставят в Женеву. Там есть один человек, Фокс... Он позаботится о том, чтобы письмо напечатали.

Левину настолько захватили чувства, что она была не в силах ответить и молча кивнула.

– Спасибо, Вина... Спасибо вам от всего сердца! – Фрэнсис заключила подругу в объятия. – Я ни за что не допущу, чтобы ее забыли. Она станет для многих маяком новой веры. Как у католиков есть Богородица, так и в реформистской церкви есть мученица Джейн Грей. Я не могу говорить вслух, но голос самой Джейн прозвучит даже из могилы!

Левина тщательно сложила письмо и спрятала в складках одежды. Как ни рискованно участвовать в таком предприятии, она выполнит желание Фрэнсис – ей тоже необходимо, чтобы гибель бедной девушки не пропала даром.

Хэмптон-Корт, апрель 1555 г.

Кэтрин

– Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт! – Я сжала между пальцами обрывок ленты; она почти совсем побурела и стерлась, а Гарри Герберта я не видела уже несколько месяцев. Я спрятала ленту и прогнала прочь грустные мысли. Если я позволю себе слишком долго думать о нем, снова расплачусь, а я лишь недавно сумела снова взять себя в руки.

Приехала Елизавета, и слава Всевышнему, ибо все мы сходим с ума от ожидания королевского младенца, который все никак не хочет появляться на свет. Нет ни танцев, ни музыки; королева целыми днями валяется в кровати, а все мы должны молча сидеть с ней. Даже когда погода на улице хорошая и мы могли бы кататься верхом или гулять в парке, мы должны оставаться в ее мрачной опочивальне и портить себе глаза, вышивая при свечах балдахин, который повесят над колыбелью младенца. А если мы не вышиваем, то молимся о благополучном рождении принца.

Но в присутствии Елизаветы нам хотя бы есть о чем поговорить: в конце концов, сам король настоял на том, чтобы она прибыла ко двору. Все рассказывают, как она ехала из Вудстока на сильном ветру и вынуждена была прятаться за живой изгородью, чтобы поправить чепец, который едва не сдуло у нее с головы; как ее раздуло водянкой и ей едва удавалось проехать в носилках с дюжину миль в день; как, когда она приблизилась к Лондону, вся в белом и в сопровождении двухсот всадников, навстречу ей вышла огромная толпа и приветствовала ее. Когда королева об этом узнала, она приказала надеть на нее лучшее свободное платье и встала, повернувшись в профиль, у окна, выходящего на балкон, чтобы толпа, собравшаяся внизу, видела ее огромный живот.

Все как в карточной игре: Елизавета выложила свой козырь, но у королевы имелась старшая карта, ведь что может быть лучше наследника престола? Впрочем, последнее время казалось, что королева отказывается играть; она не хотела давать аудиенцию своей сестре. Елизавета была заперта в своих покоях. Комнаты у нее лучше моих, хотя и мои вполне неплохи, с видом на водный сад. Никому не позволяют видаться с Елизаветой без разрешения, но кузине Маргарет тоже не терпелось взглянуть на нашу плененную родственницу. Я притворилась, что мне все равно, но, по правде говоря, мне, как и кузине Маргарет, хотелось взглянуть на Елизавету, ведь я видела ее лишь издали.

– Не понимаю, почему бы нам просто не нанести ей визит, – сказала я кузине Маргарет.

– Не понимаешь? – ужаснулась она. – Кэтрин, видаться с ней запретила королева!

– Боишься? – спросила я, прекрасно зная, что Маргарет терпеть не может, когда ее подозревают в недостатке храбрости.

– Конечно нет! – Она вскинула голову.

– Значит, ты пойдешь со мной.

Маргарет пришла в замешательство; она явно хотела пойти на попятный, но была загнана в угол, из которого не могла выбраться.

– Конечно! – ответила она, хотя, судя по выражению ее лица, она вовсе не была ни в чем уверена.

Я взяла ее за руку и повела в западный коридор, где находятся покои Елизаветы. К ее дверям были приставлены охранники; к счастью, одного из них я немного знала, так как одно время он служил пажом моего отца в Брадгейте.

– Хамфри? – Я широко улыбнулась.

– Миледи, – ответил он, краснея; его лицо напоминало пятно вина, пролитого на скатерть. Значит, моя улыбка подействовала.

Когда я положила руку ему на плечо, бедняга покраснел еще гуще. Мне показалось, что его напарник тоже смущен. Охрана не привыкла к вниманию со стороны знатных девиц вроде нас. Кузина Маргарет, следуя моим указаниям, посмотрела на напарника Хамфри чуть дольше, чем допускают правила приличия.

– Хамфри, ты умеешь хранить тайны? – спросила я.

– Если тайна ваша, миледи, я никому не расскажу.

– Вот и хорошо, – кивнула я. – Значит, тыпустишь нас к леди Елизавете и никому о том не расскажешь.

– Но, миледи...

– Хамфри! – Я притворилась, будто распекаю его, и захлопала ресницами. – Надеюсь, ты меня не разочаруешь!

– Я скорее умру, чем разочарую вас, миледи! – У меня зародилось подозрение, что в его словах содержится доля истины. – Но... – продолжил он, – у леди Елизаветы сейчас гости.

Едва последние слова слетели с его губ, как в двери постучали изнутри. Мы с кузиной Маргарет скрылись в нише. Стараясь не хихикать, я распахнула окно и сделала вид, будто всецело поглощена видом на паддок, где на весенней траве паслись жеребые кобылы.

Двери распахнулись настежь, и краем глаза я увидела епископа Гардинера и моего дядю Арундела; они вышли от Елизаветы в сопровождении еще двух людей – я не помнила, кто они такие. Знаю одно: все они – члены Тайного совета.

– ...невозможное создание, – услышала я слова дяди Арундела. Наверное, он говорил о Елизавете. Когда они приблизились к нам, мы вышли из ниши и вежливо присели.

– А, выводок племянниц, – сказал Арундел, поворачиваясь к одному из своих спутников. Теперь, на ярком свету, я узнала его – это был Шрусбери. – Кстати, как бы вы собирательно назвали группу юных родственниц женского пола?

– Будь они постарше, я бы назвал их «парной упряжкой», – усмехнулся Шрусбери. – Но поскольку эти две хорошенькие, я бы назвал их «дуэтом».

Оба засмеялись. Гардинер и их четвертый спутник нетерпеливо переминались с ноги на ногу, как будто у них имелись более важные дела, чем обмениваться шутками с юными девицами.

– Что вы делаете в этой части дворца? – спросил Арундел.

Я, боясь, что Маргарет выдаст нас виноватым взглядом, быстро ответила:

– Мы смотрели на верховую лошадь королевы, которая только что ожеребилась. Это единственное окно во дворце, откуда хорошо видно паддок.

Они высунулись в окно, и я показала им какую-то кобылу – вполне возможно, она действительно отведена королеве. Рядом с ней, пошатываясь на тонких ножках, бегал жеребенок.

– Очаровательно, – заметил Шрусбери.

– В самом деле, – согласился Арундел. – Будем надеяться, ее величество тоже скоро ожеребится.

Мы все на это надеялись, потому что ребенок запаздывал, и характер у королевы портился от неудобства ее положения и ожидания. Повитухи уверяли, что время высчитано неправильно – кто знает? Я совершенно ничего не знаю о деторождении, хотя теперь знаю чуточку больше о том, как завести ребенка, точнее, как его не завести, потому что девушки постарше по ночам шепчутся о таких вещах.

Гардинер досадливо откашлялся, и они ушли. Я потянула кузину Маргарет за рукав назад, к двери, где ждал покладистый Хамфри. Все, что требовалось, – еще одна улыбка, и вот дверь приоткрылась и мы проскользнули внутрь.

Мы вошли так тихо, что никто из женщин, присутствующих в покоях, не заметил нас. Я никого из них не узнала, кроме самой Елизаветы. Платье у нее черное и довольно простое – какой контраст с преувеличенно пышными нарядами королевы! Две дамы отвязали ей рукава и спустили с запястий, еще одна расшнуровала корсет, затем сняла его. Елизавета осталась в алой верхней юбке, которая подчеркивала ее ослепительно-белую кожу. В таком виде, со сверкающими черными глазами, в чепце и с надменным видом, она походила на Афины в шлеме из мифологии. Рядом с ней померкли все ее фрейлины, даже красотки.

– ...они считают меня душой, способной признаться, что я участвовала в восстании Уайетта, – сказала Елизавета. – Дураки они, раз так плохо думают обо мне! Я не пойду по следам кухни Джейн Грей.

Услышав имя сестры, я невольно ахнула, и все обернулись к нам. Я вздохнула, мне сделалось не по себе в таком обществе. Почти все присутствующие были старше нас лет на десять, и все смотрели на нас так угрожающе, что мне сразу захотелось сбежать. Кухина Маргарет вцепилась мне в руку, и я опасалась, что она пережмет мне вену. Все же я набралась храбрости и опустилась на колени, радуясь, что на мне самое новое платье и жемчуга Маман.

Поскольку Елизавета, судя по всему, не узнала меня, я сказала:

– Миледи, мы ваши кухни. Я Кэтрин Грей, а это Маргарет Клиффорд, которая недавно стала леди Стрейндж. Мы пришли поприветствовать вас во дворце Хэмптон-Корт.

Похоже, моя улыбка на них совершенно не подействовала, и меньше всех – на Елизавету.

– Вас послала моя сестра? – грубо спросила она.

– Мы пришли по своей воле, миледи. – Мы по-прежнему стояли на коленях, но она не делала нам знака встать.

– Не знаю, почему вы решили, что мне захочется с вами повидаться. – Она села и взяла книгу.

Я ломала голову в поисках подходящего ответа, но, по правде говоря, совсем не знала, как вести себя с этой кухиной. Елизавета нетерпеливо барабанила пальцами по книге; ее фрейлины по-прежнему смотрели на нас как горгоны.

– Кэтрин Грей, вы происходите из семьи государственных изменников... – Тук-тук-тук. – Недавно ваших отца и сестру казнили за измену. Почему вы решили, что я захочу общаться с вами?

– Тому, у кого стеклянная голова, следует опасаться камней. – Я не успела опомниться, как пословица слетела с моих губ; и поняла, что уже поздно что-либо менять.

– Убирайтесь! – прошипела не Елизавета, а одна из ее горгон. Она подошла к нам, рывком поставила нас на ноги и бесцеремонно подтолкнула к дверям. Елизавета тем временем успела углубиться в книгу, как будто ничего не произошло.

Выходя, я услышала ее голос:

– Грей думают, что когда-нибудь сядут на престол. Я позабочусь о том, чтобы этого не случилось. – Что за чушь, ведь на престол взойдет наследник, полуиспанец, которого вынашивает королева! И потом, я не хочу садиться на престол. Правда, и Джейн не хотела.

К стыду своему, я поняла, что Елизавета меня всерьез пугает. Но я не могла не восхищаться силой ее духа. Мне даже захотелось завоевать ее дружбу, хотя в глубине души понимала, что это невозможно. Она показала себя более устрашающей, чем даже сама королева. Но сердце у меня упало, когда я осознала, что нажила в лице Елизаветы врага, прежде чем мы с ней успели по-настоящему познакомиться. Надеюсь, ее снова ушлют в Вудсток и не будут держать рядом с королевой – а еще лучше, отправят на континент и выдадут за герцога Савойского.

– Знаешь, она права, – сказала кухня Маргарет, когда мы возвращались назад по длинной галерее. Я слушала ее лишь вполуха, потому что кухня Маргарет в основном болтала всякий вздор. – Твоя семья лишилась прав на престолонаследие.

Во мне вскипел гнев; я думала о казненных отце и бедной Джейн, которая была так молода. К горлу подступил ком, и я не могла сказать то, что мне хотелось, то есть поставить на место дуру Маргарет и встать на защиту моих близких.

– Поэтому после Елизаветы следующая по очереди – я, – продолжила она.

Услышав такое, я не задумываясь размахнулась и дала ей пощечину.

Маргарет завизжала, как недорезанная свинья, что немного слишком, потому что, во-первых, она большая и толстая – я вполовину меньше, чем она. Моя маленькая рука не нанесла ее лицу сколько-нибудь существенного ущербa. У нее на щеке не осталось даже отметины, но я, как обычно, оказалась не на той стороне, ибо, когда все станет известно, меня выставят настоящим чудовищем. Кузина Маргарет убежала прочь, по-прежнему визжа, как будто за ней гонится медведь. Все будут ахать и охать над ней, и во всем обвинят меня.

Что будет со мной? Одному Богу известно; мне удалось всего за какой-то час нажать себе врагов в лице Елизаветы и кузины Маргарет. Больше всего мне хотелось, чтобы Мамап и Мэри не уезжали в Бомэнор, потому что я в самом деле попаду в неприятности после того, как меня оставят здесь одну. Такого никогда не случилось бы с Джейн. Неожиданно я пожалела, что не такая, как она. Надо больше думать о Боге и меньше – о себе.

Бомэнор, июль 1555 г.

Мэри

В руке я держала конец венка из маргариток, у Пегги Уиллоби другой конец; мы с ней устроились на травянистом склоне на берегу озера. Самка лебедя, которую мы назвали Афродитой, считает его своим. У нее поздно родились птенцы; мы с Пегги приходим к озеру каждый день после наших классных занятий, нам надо убедиться, что за ночь никого из них не съела лиса.

Сегодня первый ясный день за несколько недель. Погода последнее время была отвратительной, фермеры боялись, что хлеб сгниет на корню; деревенские жители беспокоились, что зимой они не смогут прокормить свои семьи. Многие обвиняли королеву в том, что она заставила англичан вернуться к старой вере, – они говорят, за это Бог разгневался на нас. Каждую неделю мы узнавали о новых арестах. Слуги только об этом все время и толковали. Матан считала, что одним духовенством дело не ограничится. Скоро найдут повод арестовывать и мирян. Даже здесь, в поместье Бомэнор, в настоящей глуши, окруженные только друзьями, мы должны молиться на латыни и выказывать почитание Святым Дарам.

– Вон она! – крикнула Пегги, показывая на Афродиту, которая появилась в поле зрения. Трех птенцов она везла на спине; их серые, покрытые пухом головки едва виднелись из-за ее крыла. Еще двое плыли за ее хвостом. – Одного недостает! – заметила Пегги, но, едва эти слова слетают с ее губ, как из камыша появляется отставший птенец.

Мы встали и пошли по берегу, глядя на них; Афродита наблюдала за нами краем глаза. Видимо, она решала, представляем ли мы угрозу для ее потомства. Чуть дальше, там, где плакучие ивы спускались к воде и были густые заросли камыша, она выбралась из озера и, переваливаясь, побрела к своему гнезду. Выводок поспешил за ней.

Мы легли под деревом и стали смотреть наверх, на густую крону, которая возвышалась над нами, как купол собора. Сквозь листву проникал рассеянный свет; серебристые солнечные зайчики плясали на сыром песке. Лицо Пегги приобрело зеленоватый оттенок. Она запела балладу, которую мы с ней разучивали все утро:

За что, за что, моя любовь,
За что меня сгубила ты?..

Я перебирала пальцами струны воображаемой лютни, все время думая о том, как я рада, что живу здесь, в поместье Бомэнор, а не жду при дворе рождения королевского наследника. Несколько дней назад объявили, что королева родила мальчика; целых четыре часа звонили церковные колокола, но оказалось, что весть ошибочна. Колокольный звон прекратился; ожидание продолжилось.

Свою я душу заложил,
Чтоб заслужить твою любовь...

– Как ты думаешь, почему поэты, говоря о любви, всегда так несчастны? – спросила Пегги.

– Может, все дело в их художественной натуре, – предположила я. – Матан влюблена в Стоукса, они вместе, но вовсе не несчастны.

Стоукс души в ней не чаял. Не припомню, чтобы отец так к ней относился. Не думаю, что раньше я видела Маман такой довольной; хотя позавчера я заметила, что глаза у нее увлажнились. Когда я спросила, что случилось, она ответила: «Под определенным углом ты очень похожа на свою сестрицу Джейн».

– Мэри, я рада, что я здесь, с тобой, а не при дворе. – Пегги перекадилась на живот и посмотрела на меня ясными глазами, улыбаясь раздвоенной губой.

– Я тоже, – ответила я.

Мы находились на расстоянии двух дней быстрой езды от дворца Хэмптон-Корт, но у Маман были два отряда гонцов, которые часто скакали туда и сюда, поэтому мы были более или менее в курсе последних новостей. Хотя у нас довольно большой штат прислуги, здешняя обстановка не могла сравниться с суматохой дворцовой жизни, чему я очень рада.

– Я бы очень хотела всегда жить такой тихой жизнью.

Я думала о Кэтрин в Хэмптон-Корт. Теперь у нее отдельные покои. Могу себе их представить: повсюду разбросана одежда, носятся ее шенки, бедные слуги постоянно ловят их, а Кэтрин изображает хозяйку перед толпой девиц, которые ею восхищаются. Ей была оказана большая честь тем, что она живет одна и не обязана находиться в одном помещении с мистрис Пойнтц и другими младшими фрейлинами. Наверное, она очень довольна.

Будь я на ее месте, я бы задалась вопросом, почему меня удостоили такой чести и чем мне это отзовется. Но Кэтрин, в отличие от меня, не подозрительна. Она слала нам небрежно написанные письма, полные сплетен. Рассказывала о том, как король глазеет на придворных дам, как он затиснул Магдален Дакр в угол и Магдален из-за этого попала в затруднительное положение (втайне я радуюсь при мысли о том, что у Магдален неприятности). Еще она написала, что позавчера ей удалось мельком увидеть Гарри Герберта, который появился на арене для турниров. Но больше всего Кэтрин писала о королеве: через десять с половиной месяцев даже Фрайдсуайд Стерли, самая доверенная из ее статс-дам, считает, что произошла ошибка и королева вовсе не ждет ребенка. По словам Кэтрин, королева целыми днями сидела в полумраке, подтянув колени к подбородку и раскачивалась туда-сюда. Все уже заметили, что женщина в ее положении так сидеть не может, и те, кто не насмехался над ней, не знали, что и подумать. Я помню, как отчаянно королева хотела этого ребенка – она много говорила о нем со мной.

– Мэри, – сказала она мне накануне моего отъезда, глядя живот ладонью, – Господь показывает мне Свою благодарность за мою твердость, за восстановление истинной веры в Англии. Зная, что во мне растет Богом данный принц, я испытываю неописуемую радость!

Маман, однако, молилась за будущего наследника, хотя он и наполовину испанец, потому что младенец на шаг отодвигал нас от трона – так она говорила. Но королева явно ошибалась, ведь даже мне известно, что детям не требуется столько времени для того, чтобы появиться на свет. Маман беспокоилась за Кэтрин – как она там одна? Я тоже волнуясь, потому что в письмах сестры проскальзывали намеки на то, что без неприятностей не обходится. Она поссорилась с кузиной Маргарет, в чем, впрочем, нет ничего нового. На нечто худшее намекала строчка из ее последнего письма: «Король питает симпатию к Елизавете, из-за чего королева постоянно нервничает. Она едва замечает сестру. Что же касается Елизаветы, я нахожу ее совершенно недружелюбной, учитывая, что мы кузины». Больше она ничего не написала, но этих слов хватило, чтобы Маман встревожилась.

– Я знаю Елизавету с раннего детства; с ней лучше не ссориться, – сказала мне Маман. – Надеюсь, Кэтрин не ляпнула что-нибудь невпопад, нелады с этой кузиной не доведут ее до добра.

У меня создалось впечатление, что Маман совсем не любит Елизавету, но в подробности она не вдавалась.

Наверху, в листве, шелестел дождь; капля упала мне на шею, но наш зеленый купол защитил нас от ливня. Я думала о бедных фермерах, которые беспокоятся из-за урожая. Как они, должно быть, радовались погожему дню – и вот опять дождь! Зимой крестьяне будут голодать, хотя при дворе продолжают пиры: жареная дичь, рыба десятка видов, горы хлеба из муки тонкого помола, фигурки из марципана, фонтаны вина.

– Почему мир так несправедлив? – спросила я вслух.

– Что ты имеешь в виду? – удивилась Пегги.

– Я думала об урожае, который пропадет из-за дождя.

– Бедняки ближе к небесам, ведь так? – Пегги повертела между пальцами сухой лист.

– Не уверена, что королева считает так же, – ответила я, вспоминая библейское изречение о богаче и игольном ушке. – Большинство приспособливает веру к своей жизни. – Маман говорила так много раз.

– Но для королевы все по-другому. – Пегги приподнялась на локтях. – Всем нам надо смириться с волей Божией. Господь сотворил нас такими, какие мы есть, и поместил в этот мир по Своей воле. Она не подлежит сомнению.

– В таком случае как ты думаешь, почему Господь наделил тебя заячьей губой? – спросила я.

– Что ты! – воскликнула Пегги, ошеломленная тем, что я не знаю таких простых вещей. – Заячья губа – вовсе не от Господа! Это отметина дьявольской лапы, когда Он пытался извлечь меня из утробы.

– Так тебе сказала твоя мать?

– Ей не нужно было ничего говорить, всем известно, что это значит! – Кончиком пальца она дотронулась до верхней раздвоенной губы. – Понимаешь, дьявол отметил меня как свое отродье, но Господь спас меня.

– Значит, меня дьявол пытался вытащить за плечо, – заметила я.

– Конечно, – ответила она.

Я завидовала Пегги: ее мир прост и прям, а мои мысли и сомнения постоянно путались и накладывались друг на друга.

– Неужели это значит, что в глубине души мы – порождение зла, как Ричард Третий? – Я читала написанную сэром Томасом Мором историю короля-злодея, который был, как я, горбуном.

– О нет! – воскликнула Пегги довольно громко. – Мы гораздо лучше, потому что Господь позаботился о нашем спасении.

– Пегги, ты меня очень утешила, – вздохнула я. – Так говорится в Библии? – Я сказала, что мне сразу вспомнились строки из книги Левит: «Ни один человек... у которого на теле есть недостаток, не должен приступать, чтобы приносить жертвы Господу... Но к завесе не должен он приходить, и к жертвеннику не должен приступать, потому что недостаток на нем; не должен он бесчестить святилища Моего»¹⁷.

– Это общеизвестно. – Вот все, что ответила мне Пегги.

Почему-то за это я еще больше люблю ее. Она не одержима сомнением, как я. Я сомневаюсь не в Господе, но в представлениях человека о Нем. Как я могу объяснить это Пегги и кому-то другому? О таких вещах я могла бы говорить только с Джейн.

– Дождь перестал, – заметила Пегги, задрав голову.

Я проследила за ней взглядом и увидела мерцающие лучи золотого света, которые просвечивали сквозь листву. Интересно, видит ли Пегги знак в том, что Господь нас благословляет? Она встала и протянула мне руку; мы направились в заросли. Там в гнезде сидела Афродита с птенцами. Мы стали подглядывать за ними из камыша. Большая самка лебедя

¹⁷ Лев., 21: 23.

повернулась к нам со свирепым видом, затем раскрыла красновато-коричневый клюв и громко зашипела. Хихикая, мы спаслись бегством, побежали по мокрой траве назад, к дому.

– Лебеди такие сильные, что могут сломать человеку руку, если он угрожает птенцам, – задыхаясь, произнесла Пегги на бегу.

– Любая мать так же... – Я умолкла, вспомнив, что у Пегги нет матери и некому ее защитить. Поэтому я поменяла тему: – Как ты думаешь, родит королева этого ребенка?

– Одно я знаю точно: если она не родит, непременно захочет вернуть тебя ко двору.

Гринвич, сентябрь 1555 г.

Мэри

– Кардинал Поул, – сказала королева, подзывая его к себе, точнее, к нам – я сижу у нее на коленях, на месте инфанта, который так и не родился. Пегги была права, когда предполагала, что меня снова призовут ко двору.

Кардинал шел медленно, прихрамывая; его алая мантия колыхалась на ходу.

– Садитесь, сэр! – Она хлопнула по сиденью рядом с собой.

Кардинал застыл в нерешительности: это было место короля. – Мы одни, – продолжила королева и поощрительно кивнула. Глаза у нее были налиты кровью, лицо распухло – она плакала с тех пор, как ее супруг отбыл в Нидерланды, на войну. По ночам было слышно, как она рыдает в своих покоях; придворные дамы не знали, как себя вести, все опасались перемен в ее настроении.

Кардинал молча окинул внимательным взглядом комнату, где собрались с полдюжины дам. Все чем-то заняты, и никто не поднимал на него глаз.

– Кроме того, наш муж покинул нас ради своей заграничной кампании. – С этими словами она ударила кулаком по подлокотнику кресла с тяжелым вздохом. – Садитесь же!

Кардинал, немного струсив, наконец опустил свой тяжелый зад на сиденье рядом с нами. Королева похлопывала меня по спине и растирала ее, как будто она няня, которая качает младенца; а я ломала голову, пытаюсь придумать предлог, чтобы убраться подальше от ее толчков и тычков, подальше от ее гнева.

Я уже неделю как вернулась ко двору. Наследник престола так и не появился на свет. Все, что связано с ним, было окутано тайной, и теперь о нем запрещено даже упоминать – во всяком случае, в присутствии королевы.

– Вот и все, – сказала Кэтрин. – Сколько времени она пролежала в полумраке, а мы просидели в ожидании – и напрасно.

Все перешептывались: королеву околдовали, а может, живот ей ветром надуло. Кое-кто считал, что у нее был выкидыш, но она никому о том не сказала. Мне не полагалось знать о таких вещах, считалось, что я слишком мала, и все же я знаю. Как бы там ни было, королева была сама не своя от горя. Значит, мне снова придется изображать ее куклу. Маман попросила меня остаться при дворе не больше месяца, но пока королева ласкала, гладила и обнимала меня, как будто я – ее неродившийся младенец; с каждым новым тычком росла моя ненависть к ней.

Конечно, после того, как наследник не появился на свет, при дворе снова поползли слухи и все без конца перешептывались, споря о том, кого королева назначит своим преемником. Многие ставили на Елизавету; говорили о ее браке с Эдуардом Куртене, юношей из династии Плантагенетов, который пропал за границей. Кузина Маргарет была убеждена, что именно ее назовут преемницей, хотя так считала только она. Некоторые смотрели на Кэтрин. А я могла думать только о Джейн и о том, что случилось с ней. Маман велела Кэтрин вести себя осмотрительно, не привлекать к себе внимания; я сомневалась в том, что такое возможно.

– Чем я могу служить вашему величеству? – Кардинал склонился к королеве, сложив пальцы домиком.

– Ради всего святого, оставьте формальности, ведь мы сейчас одни! Обращайтесь ко мне «мадам», если уж вы не хотите называть меня по имени.

Мне хотелось крикнуть: «Вы не одни, здесь я, Мэри Грей», – но, разумеется, я молчала.

– Мадам, – произнес кардинал, раболепно склоняя голову.

Она схватила его руку и понизила голос до шепота:

– Господь прогневался на нас!

– Мадам, это невозможно! Ваша набожность...

Она не дала ему договорить:

– Нет! Он забрал назад нашего ребенка, Свой дар нам. Он находит нас недостаточно набожными. – Ее шепот похож на сердитое шипение Афродиты. – Нам необходимо глубже выказать веру. Нам нужна ваша помощь.

– Может быть, паломничество? – предложил кардинал.

– Нет, не то, – решительно прошептала она, и я затылком чувствовала ее жаркое дыхание. – В паломничество отправляются в знак благодарности. Мы считаем, что Господь просит нас доказать свою веру, как Авраама.

Интересно, какую именно историю об Аврааме она имеет в виду. Хорошо я помнила только одну – об Аврааме и Исааке.

В Хэмптон-Корт есть гобелен, на котором мальчик Исаак, в ужасе раскрыв рот, смотрит на своего отца, занесшего над ним нож.

– Когда будут восстановлены монастыри... – начал кардинал.

– Да-да, – перебила его королева. – Но вначале мы должны изгнать из нашего королевства всех еретиков! Тогда Господь будет доволен нами и пошлет нам наследника.

Кардинал ничего не сказал, но на его лице застыл вопрос: «Как?»

– Мы хотим схватить всех, – продолжала она, говоря с такой страстью, что слюна брызгала мне на щеку. – Всех, кто выказывает даже мельчайшие признаки ереси. И если они не отрекутся, их сожгут – всех до единого! – Королева так вцепилась в подлокотник, что костяшки ее пальцев стали похожими на белые камешки.

Мне показалось, что ее слова привели в ужас даже кардинала.

– Мадам, Господь будет доволен, если вы проявите милосердие.

– Милосердие! – снова прошипела она. – Сейчас не время для милосердия! Мы хотим, чтобы первыми сожгли Кранмера, Латимера и Ридли. Их казнь послужит предупреждением. Потом мы избавимся от остальных.

– Если таково желание вашего величества...

– Это не просто наше желание. Это приказ! Мы требуем, чтобы вы поговорили с епископом Гардинером... и Боннером. Вот человек, который знает, что делать.

– Он – один из самых стойких, мадам.

Последнее время ходило много слухов об архиепископе Кранмере. Все гадали, что королева собирается с ним сделать. Я знала эти имена. Латимер был священником моей сводной бабушки; я помнила его с раннего детства. Ридли тоже часто приезжал к нам в Брадгейт. Эти люди были близки к моей семье. Я прикоснулась пальцами ко лбу, к сердцу, к плечам.

– Ах, малышка Мэри! – сказала королева. – И вы стали стойкой католичкой после того, как казнили вашего отца-изменника и... – Она не договорила, но мне показалось, она и Джейн готова причислить к тем, без кого мир стал лучше. Она смотрела на меня с улыбкой, больше похожей на гримасу, а я боялась выпалить правду – что ее вера грязная и жестокая.

Я улыбнулась ей, склонив голову, надеясь, что она примет мой жест за знак согласия.

– Вы ведь верны мне?

Она сверлила меня взглядом, словно видела, что в глубине души я осталась протестанткой. Я не смела отвечать из страха, что дрогнувший голос выдаст меня, поэтому просто кивнула, перебирая четки.

– Кардинал, среди нас много таких, которые внешне одни, а на самом деле совсем другие. Вы думаете, Мэри тоже из их числа? – Она так больно ткнула меня в плечо, что я сжалась. – Она ведь из семьи изменников. Смотрите, как она испугалась. Как по-вашему, чего она боится?

Я боялась даже дышать, а сердце у меня билось так часто, что она наверняка это слышала. Интересно, как бы поступила Джейн на моем месте? Наверняка сказала бы правду и умерла за нее!

– Может быть, приказать Боннеру допросить ее? Боннер умеет вырывать признание даже из камня.

– Мадам. – Кардинал положил руку ей на плечо. Она посмотрела на его руку, потом на его лицо – и снова на руку. – При всем к вам уважении, она всего лишь ребенок. Мэри, сколько вам лет?

– Д-десять, – с трудом произнесла я.

– Она уже достаточно взрослая, – прошептала королева.

Из дворцовой часовни донесся колокольный звон. Кровь стучала у меня в ушах. Кардинал поерзал на месте, а королева ткнула в меня пальцем:

– Ну, бегите, Мэри. Мы хотим, чтобы кардинал исповедовал нас перед мессой.

Я спрыгнула с ее коленей и побежала к двери.

– Мэри!

Я обернулась к ней. Сердце у меня подскакивало к горлу. Я крепко сцепила руки, чтобы она не заметила, как они дрожат. Взгляд ее тяжел и суров; глаза напоминали куски стекла.

– Я за вами слежу.

Я присела, думая о том, что через несколько секунд я выйду отсюда. Только эта мысль и поддерживала меня.

– Может быть, кардиналу стоит исповедовать и вас. Вы умеете отделять зерна от плевел, верно, кардинал?

При мысли об исповеди этому человеку, который наверняка поймет, какую ересь я лелею в душе, я покрылась гусиной кожей. Заставила себя думать о Джейн и спросила себя, что бы посоветовала она: «Мышка, будь стойкой!» Каким-то чудом я набралась храбрости и ответила:

– Ваше величество, это для меня незаслуженная честь!

– Почему?

– Великая мудрость кардинала будет напрасно растрачиваться на такую, как я.

Королева презрительно фыркнула и помахала рукой, словно отгоняя муху. Я приняла ее жест за приказ покинуть их.

Передумала ли она? Не знаю.

Я со всех ног побежала в покои Кэтрин; голова у меня кружилась, когда я представляла, как меня привяжут к столбу и сожгут заживо; я старалась вспомнить, куда бежать в лабиринте коридоров Гринвичского дворца. Войдя к сестре, я увидела, что один из пажей с трудом собирает заливающихся лаем собак, чтобы вывести их на вечернюю прогулку. Когда он ушел, я сбросила верхнее платье и легла на кровать. Лежала молча, стараясь отдышаться, наблюдала за игрой света и тени в ветвях дерева за окном и старалась понять, что же только что произошло.

Под подушкой было что-то твердое; просунув под нее руку, я нащупала книгу. Это Новый Завет Джейн на греческом. Я прижала его к сердцу, вспоминая слова моей убитой сестры. И вдруг меня осенило: книгу могут использовать против нас, ведь то, о чем пишет Джейн, – ересь, по мнению католиков. Голова у меня снова начала кружиться, и я гадала, сколько у нас еще здесь вещей, способных стать нашим смертным приговором, – на первый взгляд они казались совершенно невинными. Я открыла большой сундук и положила книгу на самое дно, под платья и одеяла. Надо будет забрать ее с собой в Бомэнор, когда уеду, – я надеялась, что меня скоро отпустят.

Пришла Кэтрин; увидев меня, она спросила:

– Мышка, что случилось? Ты белая как привидение. Ты нездорова?

Я попыталась объяснить, что случилось; говорила быстро и путано. Она подсунула свой мизинец под мой и утешала меня, как младенца:

– Не бойся, не бойся, малышка!

– Но, Китти, это очень важно! – сказала я, отдергивая руку. – Нам грозит опасность! Они сжигают тех, кто близок к нашей семье.

– Не тревожься, – ответила она, подавляя зевоту. – Те, кого сожгут, станут мучениками за веру. Они не обратятся. Мэри, они сами выбрали такую участь.

– Как Джейн? – резко спросила я и увидела, как лицо Кэтрин исказилось от боли. – Им не придется слишком пристально вглядываться в нас, чтобы понять: в вопросах веры мы только притворяемся. Тебе не хуже, чем мне, известно, как можно вытянуть из человека правду!

– Ах, Мышка! – Она тряхнула головой, словно стараясь выгнать из нее мои слова. – Пока мы ходим к мессе и все остальное... Хорошо, если хочешь, забери книгу Джейн в Бомэнор. Если тебе станет от этого легче.

Я радовалась, что драгоценная книга Джейн окажется в моих руках, как будто она моя. Но эта мысль омрачилась сознанием того, что голову мою все туже зажимают в тиски.

– Есть ли в твоих вещах еще что-то, способное бросить на нас тень? – спросила я.

– Не знаю. По-моему, нет.

– Но... – Я умолкла. Нет смысла описывать, какое выражение я заметила в глазах королевы, и передавать сестре все ее слова. Я злилась на Кэтрин за то, что она так беспечна; не хотела, чтобы она просто «не думала». Хотела, чтобы она все знала точно. Очень важно, чтобы она пообещала помочь мне перетряхнуть все наши вещи и убедиться наверняка. Но я больше ничего не сказала, потому что знала: моя сестра не меняется.

Одно из первых воспоминаний о Кэтрин, которое навеки запечатлелось у меня в голове, – как она стоит, зажав пальцами уши, заливаясь слезами, и громко мычит, когда старший конюх в Брадгейте, сам с заплаканными глазами, рассказывает ей о смерти ее любимого пони.

– Лучше о таком не думать, – заявила она.

Часть вторая Незабудка

Ладгейт, январь 1558 г.

Левина

– В-Вина! – Глаза у Георга были полузакрыты, и он был похож на борзую. – Будь же благоразумна! – Это скорее мольба, а не приказ, какой Левина вправе была ожидать от мужа.

Она обеими руками мяла лист бумаги, превращая его в тугой шарик. Это памфлет, в котором рассказывалось о том, как епископ Боннер наказывает книги. Когда он не жжет книги, он сжигает людей – за последние два года, после того как Англия вернулась в лоно римско-католической церкви, около двухсот пятидесяти человек нашли свою смерть на костре. Вся страна задыхалась от запаха жареного мяса. Все началось с духовенства; Левина помнила, как услышала, что Латимера и Ридли сожгут заживо. Когда она вспоминала те дни, горло у нее перехватывало от горя, хотя с тех пор прошло уже много времени.

Она познакомилась с Латимером, когда первый раз приехала в поместье Брадгейт, чтобы рисовать Греев. Оказывается, с тех пор прошло уже пять лет; как быстро летит время! Тогда ее увлекла утонченность его ума. Кроме того, сильное впечатление на нее произвела его чуткость. Она обезоруживала. Они много говорили о Кальвине – то было при молодом короле Эдуарде, когда Кальвин, Лютер и даже Цвингли обсуждались открыто. Их считали скорее мечтателями-утопистами, чем еретиками. И вот сейчас все по-другому! Левина до сих пор вспоминала охватившее ее возбуждение, которое вызывали в ней те мысли: о спасении «только верой», о тайнствах... Тогда ею овладело ощущение личного духовного откровения.

Знакомство с Латимером вызвало в ней неожиданное влечение. Он сам и его идеи обладали необычайной притягательностью. Даже сейчас, вспоминая Латимера, она испытывала волнение, хотя их встреча была совершенно целомудренной. Она бросила бумажный комочек в огонь, наблюдала, как он горит, представляя, что испытывает человек, которого сжигают заживо. Но невозможно представить, каково это!

– В-Вина, скажи что-нибудь! – Георг тронул ее плечо; она смотрела, как на его руке вздуваются синие жилы, увидела пигментное пятно, которого не замечала раньше. Через несколько лет ее муж станет стариком. Ее вдруг поразила мысль о том, что старость Латимера, возраст, предназначенный для размышлений, прервали так резко и грубо... У нее зашипало глаза.

– Маркусу, наверное, лучше уехать к твоим родителям в Брюгге, – сказала она, но думала по-прежнему о Хью Латимере, вспоминая слова, которые он сказал, когда подождли хворост: «Сегодня мы зажжем в Англии свечу, которая, Божией милостью, никогда не погаснет».

Какая вера, какое мужество! Если бы ее убеждения были хотя бы вполовину такими же стойкими! Однако она полна сомнений; кроме того, в ней сильно желание выжить. Хотя и она кое-что сделала для того, чтобы свеча продолжала гореть: она послала в Женеву важные документы, показания очевидцев. Когда их опубликуют, все узнают, какие чудовищные злодеяния совершаются в Англии при католичке Марии Тюдор! Документы Левина сопроводила своими рисунками. Особенно ей дорог был один: жительница острова Мэн, которая родила ребенка на костре. Левина никогда не бывала на острове Мэн и даже не слыхала о нем до того случая, но последнее время стала свидетельницей стольких казней, что живо представляла себе ужасную сцену: толпа обступила костер, языки пламени лижут ноги бедной женщины, ее рот

кривится в мучительном крике; лишь представив себе страдания несчастной, Левина вздрогнула. А церковник, руководящий казнью, бросил в огонь и новорожденного, чтобы он сгорел вместе с матерью. Во время работы тушь смешивалась у нее со слезами, и ей несколько раз приходилось начинать заново.

– Да где же Маркус? – спросил Георг небрежно, как будто забыл, что они сейчас ссорятся. Правда, последние дни они ссорятся почти постоянно – по любому поводу.

– Он ухаживает за девицей Каррад. Понес ей цветы.

Левина невольно улыбнулась, вспомнив, что Маркус ухаживает за соседской девушкой. Ей до сих пор трудно было поверить, что сын стал мужчиной, что ему девятнадцать лет – он уже достаточно взрослый для многих вещей, достаточно взрослый, чтобы его призвали сражаться на стороне короля против французов. Перед ее глазами возникла картина: поле битвы, заваленное трупами, извивающимися, изуродованными телами. Лица искажены мукой; похоже на сцену из Босха. Да, думала она, Маркусу будет лучше в Брюгге, подальше отсюда. Правда, где сейчас безопасно? И лучше ли ему будет в Брюгге? Ведь там правит император Карл. Но хуже, чем здесь, быть не может.

– Элис Каррад – девушка неплохая, – рассеянно заметил Георг и спохватился, вспомнив, из-за чего они ссорятся, продолжил: – Вина, а как же мы? Мы можем вместе с ним поехать к моим родителям. – Один и тот же спор повторялся снова и снова.

– Нет, – только и ответила она.

Она не могла выбросить из головы чудовищные сцены. Невинные люди гибнут не только на поле битвы. Везде небезопасно. Но в Англии никогда еще не было так плохо. Даже в последние годы правления Генриха Восьмого, когда придворные ходили на цыпочках от страха, когда никто не знал, во что полагается верить, все было не так ужасно, как сейчас. Малейшей тени подозрения достаточно, чтобы человека сожгли заживо. Даже близким друзьям нельзя доверять. И Боже сохрани ссориться со соседями – им достаточно намекнуть кому следует, что вы не ходите к мессе или читаете Библию на английском языке. Мелкие разногласия и даже шутки в последнее время все чаще заканчивались на костре, ибо все знали: стоит донести на человека, его схватят и сожгут. Больше двух лет они дрожат от страха... Георг прав, им в самом деле безопаснее будет в другом месте.

– Я твой муж, – продолжил он. – Ты обязана мне повиноваться. – Но голос выдал его неуверенность в себе.

– Я дала слово.

– Да, да, я знаю, ты пообещала своей подруге. Н-но подумай, Вина! Фрэнсис жива. Пусть она сама заботится о своем потомстве!

Левина молча покачала головой. Она не в силах была объяснить, как привязалась к семейству Грей, к Кэтрин, Мэри и их матери, или то, что их жизни стали неразрывно связаны после того, как они с Фрэнсис вместе присутствовали при казни Джейн. Она не могла их бросить; у нее было чувство, что она способна отвести их от края пропасти, особенно Кэтрин. Милую, необузданную Кэтрин. Ей уже восемнадцать, она созрела для брака. Мысленно подсчитав, Левина поняла, что Мэри уже тринадцать. Давно она не была в поместье Бомэнор, в гостях у Мэри и Фрэнсис.

Два дня назад Левина слышала, как королева допрашивала Кэтрин из-за найденного у нее портрета Джейн. Коварная Сьюзен Кларенси обнаружила миниатюру в вещах Кэтрин – вечно она сует свой нос куда не просят!

– Это память о сестре, – взмолилась Кэтрин.

Левина стояла в стороне, досадуя, что девушка не в состоянии придержать язык.

– Твоя сестра была изменницей, – отрезала Сьюзен Кларенси.

– Нам не нужно об этом напоминать, – громко сказала королева. – Сожги ее, Сьюзен!

Слава богу, Кэтрин хватило выдержки промолчать, смотреть в пол, когда портрет сестры бросили в огонь. Миниатюру рисовала сама Левина. В тот раз королева успокоилась, приказав сжечь портрет, но она становилась все более непредсказуемой, и Левине было страшно за Кэтрин: бедняжка могла что-нибудь выпалить не к месту.

– Ты меня слушаешь, Вина? – Вопрос мужа отвлек ее от воспоминаний. – Фрэнсис Грей... точнее, теперь она Стоукс... – Муж не скрывал обиды. – Как бы ее теперь ни звали, она в милости у королевы. В конце концов, она ее близкая родственница!

– Родство еще никого не спасло, – резко отвечает Левина. – Если бы ты, как я, присутствовал при казни ее старшей дочери... Если бы видел, как ее сестра при дворе каждый день ходит по лезвию ножа...

Георг подавленно вздохнул.

– И потом, – продолжила Левина, – меня ввели в свиту королевы, и я не имею права...

– Чаша с ядом, – пробормотал Георг, но вот раздался громкий стук в дверь, и оба умолкли.

Герой, лежащий у камина, встревоженно вскинул голову. Георг пошел открывать; он осторожно выглянул на улицу и приоткрыл дверь совсем чуть-чуть. Левина увидела лишь мужскую фигуру на пороге и его жестикулирующие руки. Вдруг у нее сжался желудок. Она узнала резной перстень с гранатом, он принадлежал ризничему церкви Святого Мартина – приближенному Боннера.

На большом столе посреди зала лежал залитый слезами набросок со сценой казни роженицы с острова Мэн; Левина мысленно обругала себя за неосторожность. Как она могла оставить набросок на таком видном месте? Схватив бумагу, она молилась, чтобы Георгу хватило ума как можно дольше продержаться приспешника Боннера на пороге. Они о чем-то говорили, но кровь стучала в ушах у Левины, и она разбирала лишь отдельные слова. Бросив эскиз в огонь, она наблюдала за тем, как загибаются края листа, и вспоминала сожженный недавно портрет Джейн Грей. Вскоре от рисунка не осталось ничего, кроме хлопьев пепла, которые весело взлетали вверх, похожие на черных бабочек.

Дверь наконец распахнулась, и вошел ризничий – из-за того, что свет падал сзади, Левина не видела его лица. Герой оцетинился и зарычал.

Левина поприветствовала гостя.

– Мы так рады! – произнесла она громче обычного, как будто участвовала в живой картине.

Она никак не могла вспомнить, как его зовут, и боялась оскорбить, если не обратится к нему по имени. Он взял протянутую ему руку в обе свои и пожал – пожалуй, слишком крепко. Потом поднес ее к губам, чмокнул в костяшки пальцев. Их взгляды встретились, и он одарил ее обезоруживающей улыбкой, обнажив ряд мелких, ровных зубов. Левина часто встречала его в церкви. Из-за того, что он в черном, и из-за тонких рук он напоминал ей галку – правда, она впервые увидела улыбку на его лице. Над ним нависал Георг. Она выглянула за дверь и поняла, что ризничий пришел не один; у нее перехватило дыхание от страха. Она представила, как ее сейчас арестуют, бросят в телегу и отвезут в тюрьму Флит. Если обыщут дом, то без труда найдут свиток, спрятанный за гобеленом в спальне, – письменные свидетельства о зверствах, которые необходимо послать в Женеву вместе с ее рисунками. Свитка достаточно для того, чтобы их всех сожгли. У нее участилось дыхание; она боялась, что выдает себя бусинками пота, которые проступили на лбу.

– Милая Левина, Берн пришел поговорить с нами, – сообщил Георг.

Левина была поражена спокойствием мужа и рада, что теперь знает, как зовут незваного гостя. Берн... Как она могла забыть? Георг не заикается, и она успокоилась. Сердце у нее вдруг сжалось, словно кто-то стиснул его в кулаке: как она любит своего мужа!

– Пожалуйста, прикажи мальчику принести холодного эля!

В коридоре она на секунду прислонилась к стене, чтобы отдышаться, радуясь, что может собраться с силами. Она подоткнула выбившиеся из прически пряди волос под чепец, а затем подозвала слугу и вернулась в зал. Георг и Берн сидели в креслах у камина. Герой не сводил с них глаз; следил, как сокол за зайцем. Спутник Берна, которого тот не удосужился представить, – судя по одежде, он всего лишь прислужник, – остался в прихожей, переминался с ноги на ногу. Левина села на низкую скамеечку у ног мужа, нарочито старательно разгладила юбки, поправила рукава. Все что угодно, лишь бы не встречаться взглядом с Берном.

– Надеюсь, ваши близкие не заразились инфлюэнцей, – сказала она, начиная светскую беседу. Последнее время все только о болезни и говорят: инфлюэнца гуляет по стране, забирая жизни сотнями.

– Болезнь – кара Божия за ересь, – объявил Берн. – Спасибо, мои близкие в добром здравии.

– И нас Господь миловал. – Георг осенил себя крестным знаменем.

Берн посмотрел на него прищурившись.

– Насколько я понимаю, вы знакомы с семейством Каррад, – проговорил он медленно и мягко, как будто просто обсуждал общих друзей. Но за его словами крылось что-то другое – угроза или обвинение.

– Они наши соседи, – кивнул Георг. – Мы немного знакомы с ними. Разве они заболели?

Слуга подал Берну кружку с элем. Прежде чем отпить, тот понюхал содержимое. Выпив, причмокнул:

– Добрый эль, Теерлинк. Сами варите или покупаете?

– Покупаю у...

Но Берн перебил, не дав Георгу договорить:

– Соседи, говорите?

– Совершенно верно, – ответила за мужа Левина, притворяясь, будто разговор ее нисколько не волнует. Она старалась не смотреть на мелкие, идеально ровные зубы Берна, не представлять – непонятно почему, – как он кусает ее, рвет своими ровными зубами. – Наш сын симпатизирует одной из их дочерей. – Она быстро сообразила: если Каррады заразились, значит, Маркус тоже рискует, и ужаснулась.

Но Берн, похоже, был не склонен обсуждать инфлюэнцу.

– Да, – сказал он. – Епископу известно об их связи.

– Едва ли их отношения можно назвать связью, – возразила Левина, стараясь не выказывать беспокойства, какое она начала испытывать, когда разговор принял неприятный оборот. – Мы их, во всяком случае, не поощряли. – Она переглянулась с Георгом, и тот согласно кивнул.

– Их следует поощрить, – объявил Берн. Теерлинки ждали, пока тот объяснится. – Видите ли, епископ хочет, чтобы за Каррадами велось наблюдение. Похоже, они... – Он умолк и повертел перстень на пальце. – Как бы получше выразиться? Судя по всему, их поведение... вызвало у епископа определенные подозрения. – Он нарочно растягивал слова. – Очень кстати, что ваш сын ухаживает за одной из дочерей! Благодаря ему мы можем наблюдать за этим семейством, так сказать, с близкого расстояния.

– К сожалению, – подсадовал Георг, – Маркусу придется немедленно отправиться в Брюгге. Его дед, мой отец, заболел. – Он снова перекрестился, а затем набожно сложил руки. Левина перебирала висевшие на поясе четки. – Вполне вероятно, скоро нам всем придется отправиться туда же.

– Брюгге, – медленно повторил Берн, как будто пытаясь вспомнить, где находится этот город. В конце концов он быстро одобрительно кивнул, и Левина была благодарна за то, что Брюгге находится под властью католиков. – Прискорбно слышать о недомогании вашего батюшки, – неискренне продолжал незванный гость, – но я не сомневаюсь, что вы найдете сред-

ства держать епископа au cougant¹⁸. – Он снова улыбнулся своей тошнотворно-приторной улыбкой. Допил эль, встал, шурша одеянием. – Епископ Боннер огорчится, лишившись таких прихожан, как вы. Истинно верующих очень мало, они так редки!

Левина была уверена, что расслышала нотки сарказма за его льстивыми словами. Уж не проверяет ли Боннер их благочестие вместе с благочестием Каррадов? Боязнь заболеть отступила на второй план; ее сменило нечто более злое. Ей было известно, что Каррады – реформаторы; Берн вполне мог нанести им такой же визит – во всяком случае, это не исключено. Он направился к двери и, рывкнув слуге: «Смотри в оба!» – ушел.

Левина обернулась к Георгу. Тот следил за ней, как будто ждал каких-то слов, но она, избегая его взгляда, начала собирать кружки со стола.

Георг схватил ее за руку:

– Оставь посуду слуге! Мы ведь за это ему платим.

«Точнее, я плачу», – подумала Левина, но промолчала.

– Тебе по-прежнему хочется здесь остаться? – продолжал он, и в его голосе больше не было слышно нежности.

– Сейчас мы просто не можем уехать. Наш отъезд возбудит подозрения.

– Если бы ты не... – Он умолк и закрыл лицо руками. Его отчаяние разрывало ей сердце. – Если бы ты не настояла на том, чтобы переправлять в Женеву все записи и рисунки, мы не очутились бы под подозрением!

Она хотела крикнуть на мужа, напомнить, что и он – сторонник новой веры, упрекнуть его в лицемерии... но вовремя прикусила язык. Нет смысла вымещать гнев на Георге, который ее любит. Он напуган. Вот странно – ее муж, ее защитник, боится больше, чем она сама.

– Я люблю тебя, Георг, – прошептала она.

Он не ответил, и впервые Левину посетила страшная мысль: что, если он ее разлюбил? Сердце у нее заныло.

– А как же Маркус?

– Не знаю, Георг.

– Пусть пока ухаживает за своей девушкой.

– А мы доложим о них Берну. Расскажем что-нибудь безобидное, а там видно будет... – Она растерялась, не зная, как обезопасить сына.

Дверь распахнулась, и появился Маркус. Зубы у него были стиснуты, значит, он затаил гнев или обиду. Проходя мимо родителей, он неразборчиво поздоровался и направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Отец остановил его, положив руку ему на плечо:

– В чем дело, Маркус?

Сын в ответ молча покачал головой, и Левина поняла: мальчик боится говорить, боится сорваться. Она знала все мельчайшие изгибы характера сына. Помнила, как он, шестилетний, упал и пришел весь в синяках и ссадинах, как он закусывал дрожащую нижнюю губу, как замирал, стараясь не плакать. Она даже не попыталась утешить его, позволив ему держаться на расстоянии. Но Георг уже взял его за плечи:

– Что случилось?

– Если тебе так хочется знать, – отрезал Маркус, – она уехала.

– Та девушка? – спросил Георг.

– Она не просто «та девушка»... Элис, отец. Ее зовут Элис, и ее семья уехала! Все Каррады уехали, а куда – неизвестно. И она ничего мне не сказала! – Сын не выдержал и закричал; по его лицу потекли слезы.

Георг посмотрел на Левину, словно хотел спросить: «Ну, что ты теперь скажешь?» Маркус вырвался и взбежал по лестнице. Он уронил на пол лист бумаги. Левина подобрала его,

¹⁸ В курсе (*фр.*).

развернула, подошла к окну, где больше света. Элис Каррад оставила ему письмо. Правда, в нем почти ничего не говорилось, помимо того, что уже сообщил Маркус: ее семья уезжает. Она чувствовала обиду за сына; переживала из-за его первой несчастной любви.

– Ну что? – спросил Георг.

– Нам дали отсрочку, – ответила она, протягивая ему письмо. – Потом можешь отнести его Берну. Только погоди немного, пусть они уедут подальше, прежде чем Боннер отправит в погоню своих псов. – Георг кивнул, поднял глаза к потолку, словно признавая во всем руку Божию. – Вот так, – продолжала Левина. – и Каррады будут спасены, и все увидят, что Теерлинки делают то, о чем их попросили. – Ей казалось, что Георг доволен, но она понимала: пройдет время, и он снова заговорит об их отъезде.

С улицы донеслись крики; она видела из окна, что на углу собирается толпа.

– Боже правый, неужели еще кого-то сожгут? – воскликнула она.

– Сегодня я был на рынке, – сказал Георг, подходя к окну и вставая с ней рядом. – Столба там нет. Я ничего не слышал. – Он обнял ее, и она положила голову ему на плечо, ненадолго закрыв глаза и стараясь забыть обо всем. – Надо бы выяснить, в чем дело. – Но он не двигался, и они постояли так, утешаясь близостью друг друга.

– Я пойду с тобой, – предложила Левина.

– А Маркус?

– Оставь его в покое. Пусть выплачется один.

Они направились к двери. Левина протянула руку, но он не взял ее, они вышли на улицу, в январскую стужу. Улица была запружена народом, и все шли в сторону Смитфилда, чтобы понять, из-за чего такой шум. Они видели на обочине брошенную тачку; поток людей устремлялся в узкую улицу, похожую на бутылочное горлышко. Все толкались, слышались крики; мужчины сажали детей на плечи, чтобы тех не раздавили; парни залезали на ближайшие карнизы, взбирались на стены или ловко, как кошки, карабкались на низкие крыши. Левина чувствовала, что Герой бежит с ней рядом; их захватило течением и в конце концов вынесло на рыночную площадь, где на деревянном ящике стоял какой-то человек и кричал, обращаясь к толпе.

– Что он говорит? – спросила Левина у стоящей рядом матери семейства.

– Кале потерян!

Левина закрыла рот рукой:

– Не может быть!

В толпе распространилась весть о поражении; в голове у Левины теснились образы молодых людей, почти мальчиков, которых она видела на арене для турниров. Она живо представила их лица, искаженные болью, искалеченные, изуродованные тела. Она думала об их матерях, о горе от потери сына на чужой бессмысленной войне. Войну вел Фелипе; из-за него французы получили Кале, последний оплот англичан на континенте! Толпа кипела. В руку Левины вложили памфлет. На нем была изображена королева, морщинистая, уродливая. Под картинкой подпись: «Губительница собственных подданных, любительница иностранцев... злая мачеха для подданных и для своей родины – Англии».

Раздался грохот; группка юнцов перевернула тележку. Шум нарастал. Кто-то взобрался на перевернутую тележку и сердито кричал, вскидывая вверх руку, сжатую в кулак. Люди шумели, толкались. Муж крепко схватил Левину за плечо.

– Пойдем, – сказал он. – Давай выбираться отсюда.

Уайтхолл, март 1558 г.

Кэтрин

Незабудка скреб когтями по дну клетки, изредка цокая языком. Руки у меня посинели от холода; я сложила ладони вместе и поднесла ко рту, согревая их дыханием. Погода стояла необычно холодная для марта, небо за окном хмурое, белое и пустое. Даже птицы не отваживались подняться в воздух из страха замерзнуть и свалиться с небес. Так говорит Юнона. Леди Джейн Сеймур (или Юнона, как все ее называют, ибо при дворе полным-полно дам по имени Джейн) прибыла к нам год назад; я ежедневно благодарю за нее небеса. Последнее время кузина Маргарет сущая язва, а Джейн Дормер невозможно оторвать от королевы. Кроме того, Джейн Дормер скоро выйдет замуж за Фериа и в конце концов покинет Англию и станет испанской графиней. Блестящая партия, учитывая то, что она – единственная из нас настоящая католичка. Она не похожа на меня или Юнону; нам, откровенно говоря, было все равно, есть ли чистилище, пресуществляются ли Святые Дары в плоть и кровь Христову во время мессы. Мы не слишком задумывались о том, что будет, когда мы умрем; для таких мыслей у нас будет достаточно времени, когда мы состаримся, а пока можно подумать о чем-нибудь повеселее.

Нас с Юноной часто путали. Правда, если взглянуть на нас внимательнее, сразу становится заметно, что сходство между нами лишь поверхностное. Мы одного роста, и у нас одинаковый цвет волос. Зато у меня глаза голубые, а у Юноны они более темного оттенка; у меня лицо сердечком, а у нее овальное. Губы у нее изогнуты, в то время как у меня более пухлые. Но за последний год мы так сблизились, что переняли друг у друга ужимки, обороты речи и манеры. Мы получили все преимущества близнецов – мы привлекаем к себе взгляды мужчин. Иногда казалось, будто мы находимся в двух местах одновременно, способны ввести других в заблуждение, – при этом у нас не было недостатков близнецов вроде отсутствия индивидуальности или необходимости все делить.

Королева, чье зрение слабело, тоже часто путала нас. Иногда мы нарочно менялись платьями, что порождало сумятицу. Приятно было видеть, как злится самодовольная Сьюзен Кларенси. Юнона – мой единственный луч света в этом мрачном месте, где все осторожно вращаются вокруг королевы и только и шепчутся о том, кого она назовет своим наследником. Правда, о престолонаследии никто не смел и заикаться – все боялись ее огорчить, хотя она и так всегда была в дурном настроении. Кроме того, ей опять казалось, будто она ждет ребенка.

Некоторые хотели бы видеть ее преемницей меня, хотя многие считали, что она выберет Елизавету. Иногда я представляла, что стану королевой и получу все, что полагается королеве: драгоценности, платья, роскошные покои, лесть придворных. Но даже я не была настолько глупа, чтобы полагать, будто меня ждут сплошные удовольствия; я ведь видела, что нынешнюю королеву буквально раздавило ее бремя. Сейчас она была сама на себя не похожа. Мысли о королевской власти слишком велики, чтобы свободно помещаться в голове, тем более что я все время вспоминала сестрицу Джейн. Так что я гнала от себя мысли о престоле. Кроме того, королева сомневалась в прочности моей веры. Я это знала, потому что чувствовала на себе ее взгляд во время мессы. Наверное, она не молилась по-настоящему, а только следила, как бы среди ее фрейлин не оказалось еретичек. Знай она, о чем я думаю на самом деле, меня бы давно сожгли на костре. Так или иначе, я давно поняла, что Елизавета гораздо лучше подходит на роль королевы. Скоро она вернется ко двору, и Матан посоветовала мне помириться с ней – что, боюсь, будет нелегко.

Джейн Дормер что-то тихо напевала. Мы с Юноной нашивали маленькие золотые диски на рукава парадного платья; работа навевала на меня тоску. Королева сторбилась в кресле и,

похоже, спала. Никто по-настоящему не верил в то, что она ждет ребенка, но только Фрайдсуайд Стерли говорила о своих сомнениях вслух. Во всяком случае, королева знала Фрайдсуайд с детства, и только ей хватало храбрости говорить, что она думает. Остальные, даже Сьюзен Кларенси, во всем ей потакали. Но королеве действительно нездоровилось: живот у нее раздулся, как барабан, и, видимо, болел, судя по тому, как она стонала, когда мы одедали ее. Мы все слышали, как по утрам ее рвет; нам приходилось убирать за ней яркие лужи желчи. Когда песенка Джейн Дормер подошла к концу, королева заворочалась и вздохнула, а потом вдруг проснулась. Юнона с улыбкой ткнула меня в бок, и я, затаив дыхание, плотно сжала губы, чтобы не приснуть. Наискосок от нас сидела Левина; у ее ног лежал ее борзой пес. Она рисует нас всех. Левина ненадолго оторвалась от своей работы, посмотрела на нас, подняла брови. В отсутствие Мапан Левина очень утешает меня; она всегда была рядом и готова меня успокоить.

– Боже! – с улыбкой воскликнула королева, еще не до конца проснувшись, как будто она видела сон. – Ангельские звуки! – Может быть, ей снилось, что она умерла и предстала перед Создателем? Вдруг улыбка исчезла, и королева показалась мне древней старухой, как будто на нее взвалили все несчастья мира. – Кале, – сказала она, поднося тыльную сторону ладони ко лбу. – Когда я умру и меня вскроют, вы найдете у меня в сердце Фелипе и Кале. – Я заметила, что Фрайдсуайд Стерли, которая сидела с вышиванием по другую сторону камина, переглянулась со своей соседкой, Сьюзен Кларенси. Они обе не скрывали тревоги. Правда, последнее время королева слишком часто говорила о смерти.

– Кале, Кале, Кале! – скрежетал Незабудка, прыгая на жердочке.

Джейн Дормер поднесла королеве кубок с посетом, утешительно приговаривая:

– Не бойтесь, ваше величество! Ваш муж вернется к вам, не успеете оглянуться. Ребенок вас исцелит... – Королева ненадолго приложила руку к животу, и на ее губах мелькнула улыбка. Мысль о воображаемом наследнике – ее единственная радость. Она пила из кубка и что-то шептала на ухо Джейн Дормер. Та снова запела. Королева заснула – так же внезапно, как и проснулась.

Последние месяцы при дворе стало очень уныло. В прошлом году, после того как вернулся Фелипе, королева погрузилась в пучину отчаяния. Его повсюду сопровождала герцогиня Лотарингская, его любовница – хотя никто не называл ее так, все было ясно как день. Достаточно было увидеть, как он смотрит на нее – словно голодный пес на кость. Дело усугублялось тем, что герцогиня была поистине красавицей. Если усадить их рядом, любой, кто с ними не знаком, наверняка решит, что королева – именно герцогиня; у нее роскошные драгоценности и поистине королевская осанка. Саму же королеву с ее длинным лицом и вечно унылым видом легко принять за обыкновенную фрейлину.

Как бы там ни было, герцогиня несколько месяцев назад уехала. Вскоре и король отправился на войну, взяв с собой всех молодых англичан – во всяком случае, такое создалось впечатление. В Лондоне остались лишь дряхлые старики вроде кардинала, который еле ходит. Не с кем танцевать – однако последнее время нам совсем не до развлечений. После потери Кале, правда, мужчины начали возвращаться – разумеется, кроме погибших. Я часто вспоминала юношей, с которыми я, бывало, танцевала и которых больше нет. В прошлом году целый месяц, после сражения при Сент-Квентине, нас одна за другой осаждали дурные вести: тот ранен и, скорее всего, больше не сможет ходить; тот-то попал в плен к французам, а этот пропал без вести.

Не могу забыть, что я испытала, когда ко мне в садике с пряными травами подбежала кузина Маргарет с криком:

– Гарри убили!

Мне показалось, что кто-то вырезал у меня сердце. Я по-звериному завывала; мне пришлось прижаться к Маргарет из страха, что я вот-вот упаду.

– Не понимаю, почему ты так волнуешься, – фыркнула она. – Ты ведь его почти не знала. Он был моим другом!

– И моим мужем! – простонала я, не в силах сдерживаться. Все вокруг меня кружилось.

– Я не о Гарри Герберте, дурочка. О Гарри Дадли!

– Не о Гарри Герберте? – Мир постепенно приобретал знакомые очертания.

– Да, кузина, именно так я и сказала. – На лице Маргарет расплылась торжествующая улыбка, и я поняла, что она нарочно ввела меня в заблуждение.

– Его я не знала, – ответила я, беря себя в руки. – Хотя его брат Гилфорд был женат на моей сестре Джейн.

Про себя я прикидывала: Гарри Дадли был всего на год старше меня. Меня пронзила грусть, когда я думала о себе, едва вышедшей из детского возраста. И вот хладный труп моего ровесника зарыли в землю, как труп моей сестры Джейн – ей ведь было всего семнадцать, когда она погибла.

– Чем меньше говорить об этих изменниках, тем лучше, – буркнула Маргарет. – И потом, Гарри Герберт тебе вовсе не муж. – Говоря так, она вертела обручальное кольцо на пальце. – Однажды Гарри Дадли прогостил у нас все лето в Скиптоне, – продолжала она, доставая из рукава платок и вытирая глаза.

Я ничего ей не сказала, хотя прекрасно помнила, что Клиффорды не жили в Скиптоне с тех пор, как Маргарет была совсем маленькой...

Голос у Джейн Дормер чистый, как лесное озеро. Медленно тянулось время; казалось, мы никогда не закончим нашивать золотые украшения – большая часть рукава еще оставалась не покрытой ими, поэтому, когда никто не видит, я прятала оставшиеся диски в свою сумочку. Джейн ткнула меня в бок, лукаво улыбаясь, когда я прятала сумку под платье, стараясь, чтобы не шуршала бумага. Там у меня письмо от Гарри Герберта; оно пришло сегодня утром в пакете из Нидерландов.

«Моя родная, милая Китти!

Через месяц я покину эти проклятые берега и вернусь в Англию, ко двору, где наконец смогу прижать к груди мою любимую. Здесь на поле сражения я многое повидал; видел такие ужасы, что уже не побоюсь отцовского и даже Божия гнева. Мне теперь страшно тратить еще миг драгоценной жизни вдали от моей любимой Китти. Я решил, что по возвращении мы снова будем жить вместе, как муж и жена. Китти, перед моим мысленным взором мы как две вишни и должны висеть вместе на ветке жизни. Прошу тебя, любовь моя, напиши мне, чтобы я мог держать твое письмо у сердца, пока мы не соединимся вновь...»

Когда я прочла его письмо впервые, думала, что умру от тоски, но оказалось, что я не могу вспомнить, как выглядит Гарри Герберт, – его образ расплылся и сливался с другими: губы Томаса Говарда, руки Роберта Дадли, глаза... Вот глаза его я прекрасно помнила: ярко-зеленые, кошачьи, веселые. А голос был не его; мне вспоминался голос одного пажа из Лестершира, который мне когда-то нравился. Когда я сидела в покоях королевы и мне нечем было заняться, кроме вышивания, я часто думала. Несмотря на то что я до сих пор ношу под одеждой истертый обрывок ленты и до сих пор читаю и перечитываю его письма, моя любовь к Гарри Герберту больше не та пылкая страсть, как когда-то в прошлом. Он больше не трогает мою душу. Конечно, я привязана к нему, но, может быть, не из-за любви, а только по привычке? В конце концов, мы с ним не виделись целых три года, если не считать случайных взглядов на арене для турниров прошлым летом, в последние дни перед тем, как он отправился на войну.

Фрайдсайд Стерли посмотрела на меня с удивленным видом и одними губами спросила:

– Вы не шьете?

Я наклонила коробку, показывая, что у нас закончились диски. Она пожала плечами; неожиданно королева выпрямилась с таким видом, словно ей приснился страшный сон.

– Избавьтесь от него! – крикнула она, глядя, как мне кажется, прямо на меня. Внутри у меня все упало; я вспоминала, в чем я опять согрешила. Может, кто-то донес ей, что я рассказывала смешной анекдот о папе? Тогда даже Фрайдсуайд Стерли хохотала до слез, хотя и притворялась плачущей. Наверняка кто-то поспешил меня выдать.

– Не выношу, когда он так на меня смотрит, – продолжала королева, показывая на большой портрет мужа в боевых доспехах, который висел на стене у меня за спиной.

Я выдохнула и немного расслабилась.

– Избавьтесь от него! – прокричал попугай.

– Ваше величество, – тихо проговорила Фрайдсуайд, – не волнуйтесь.

Я обернулась и посмотрела на портрет короля; он как будто следил за мной. И прежде чем я успела понять, что происходит, королева спрыгнула с кресла, схватила мои ножницы для шитья и стала колоть портрет, выдирая огромные куски холста. Мы все ошеломленно смотрели на нее, кроме Фрайдсуайд. Она схватила королеву за руку, отобрала у нее ножницы и отдала мне. Королева упала ей в объятия, зарыдала, всхлипывая, залилась слезами. Сьюзен Кларенси и Джейн Дормер старались ее успокоить. Левине хватило присутствия духа позвать одного из пажей. Она приказала унести портрет. Когда королеву повели в опочивальню, я обратила внимание на Юнону; бледная как мертвец, она прислонилась к стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.